

ЕЛЕНА АСВУД

ВАСЯ КРАСИНА И
АНТОЛОГИЯ АБЬЮЗА

Елена Асвуд

Вася Красина и Антология абьюза

«Автор»

2026

Асвуд Е.

Вася Красина и Антология абьюза / Е. Асвуд — «Автор», 2026

Здесь сети перестают быть просто историями. Каждый сет — учебный материал. Каждая эмоция — показатель. Вася Красина учится в программе «Замочная скважина», где человеческие отношения видны без прикрас: тревога, зависимость, стыд, иллюзия близости и привычка терпеть то, что ранит. А между делом подглядывает за другими мирами: вдруг там все устроено чуть иначе? Третья книга цикла "Равновесие"

© Асвуд Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Сет 4. Он прочитал и не ответил	5
Сет 5. Мама знает лучше	8
Сет 6. С таким лицом лучше не выходи. Часть 1 (Настя)	11
Сет 7. С таким лицом лучше не выходи. Часть 2 (Александр)	13
Сет 8. Мне 35, и я НИКТО	16
А что, если все было бы немножко иначе? Часть 1. Буров и Елизавета Андреевна	19
Сет 9. Я сказала: «Нет»	22
Сет 10. Сравнение с сестрой	25
Сет 11. Ты толстая, но я люблю тебя такой	29
Сет 12. Встреча с его бывшей	33
Сет 13. Я спасу его	37
А что, если все было бы немножко иначе? Один день с Браком. Утро	41
А что, если все было бы немножко иначе? Один день с Браком. По дороге на работу	43
А что, если все было бы немножко иначе? Один день с Браком. В офисе	46
А что, если все было бы немножко иначе? Один день с Браком. Раскрывая тайны	49
Сет 14. Извинения после скандала	53
Сет 15. Мы старались ради тебя	57
Сет 16. Я шучу! Ты что, шуток не понимаешь?	60

Елена Асвуд

Вася Красина и Антология абьюза

Сет 4. Он прочитал и не ответил

В программе «Замочная скважина» есть несколько важных правил:
Правило первое. Мы не вмешиваемся.
Правило второе. Мы не спасаем.
Правило третье. Если узнаёшь себя — значит, ты уже внутри. И это для тебя повод подумать.

Занятие началось привычно. Я удобнее расположилась в кресле, когда на большом экране в полумраке кабинета начальника побежала картинка.

Сет 4. Он прочитал и не ответил

17:43 «Прочитано».

Вот уже двадцать минут.

«Привет. Как дела?»

А в ответ тишина.

Две галочки, как доказательство, и молчание, как зловещий вердикт.

Эта чертова вчерашняя ссора. Раздоры всегда примитивны. Марина понимала это, но ничего сделать с собой не могла. Ей было тогда так обидно. Просто обычная ссора за какую-то ночь превратилась в сущий кошмар. Холодный. Обжимающий ее лапами одиночества и душающего чувства вины.

Зря она вчера разозлилась. Зря позволила себе его оскорблять. Зря не уступила. Не хотел он с ней разговаривать, так бывает. Может, настроения не было, или был занят делами? Это все она виновата. Слишком много хотелось внимания. А теперь вот ничего.

Горько как. Хочется не просто плакать, хочется рыдать.

Как бы оторваться от телефона... Марина пошла на кухню резать на ужин салат. А в голове назойливые, противные мысли... Ну когда же ответит? А если он не ответит? А если так и будет молчать? А если это конец?

20:30 «Прочитано».

Больше трех часов без ответа...

Может, телефон забыл на работе? Оставил включенным, бывает. Может, за рулём? Должна же быть причина? Они ведь ссорились раньше. Неужели она ему надоела? Нет. Даже думать об этом не хочется. Но разве так сложно оставить смайлик или ответить: «Напишу позже», «Ок»?

Марина открыла профиль в сети. Был 5 минут назад. Вот же! Был! Зачем наказывает ее равнодушием? Что же? Она не заслуживает ответа? Seriously?!

Не удержалась, написала опять: «Почему ты молчишь? С тобой всё в порядке? Я волнуюсь!» Отправить...

Внутри всё сжимается. Как это выглядит жалко... Убого... Навязчиво...

20:35 «Прочитано».

И тишина.

Марина ненавидела себя. Его. Себя. За слабость. За то, что пошла на поводу собственных эмоций, что чувствует больше него, что любит, но не нужна, не любима. Больно... Сжимается всё в груди, а на глазах появляются слезы. Отчаяния, разрушенных надежд, подступающего одиночества и стыда от собственной глупости. Сама себя унизила этим и что?

20:58. Телефон завибрировал.

«Привет. Занят был. Ты как?»

Пальцы задрожали от радости и одновременно от злости. На себя, на него. Молчал специально? Неужели так сложно было ответить еще три часа назад? Чего ждал? Слезы текут, а внутри боль вытесняется счастьем.

Ответил! Нужна! Не забыл!

«Всё отлично!», — и смеющийся смайлик. «Тоже была занята. Я соскучилась».

— Мне горько на это смотреть, — произнесла я. — Вы только посмотрите на ее эмоции!

На экранах в кабинете светился и плясал графиками настоящий калейдоскоп. Эмоции Марины как на ладони. Были черная злость, синяя тоска, красным радость, темно-жёлтым обида. Не та радость, что обычно бывает оранжевой. Ее радость с оттенком агрессии.

— Марина чувствует себя униженной и обиженной, — с усмешкой прокомментировал Буров. — Удивительно. С чего вдруг? Сама же загнала себя в угол.

Мой шеф, как всегда, в своем репертуаре. Считает, что каждый из нас заслуживает то, что имеет, вне зависимости от тяжести страданий, выпадающих по судьбе. Иногда он меня даже подбешивал своей самоуверенностью.

— Чего вы еще ожидали? — продолжил он, глядя на наши лица. — Марина в ловушке эмоциональной зависимости. Ее настроение, самооценка, внутреннее состояние целиком зависят от действий другого человека. Одно неотвеченное сообщение и что?

— Мир рушится?

— Верно.

— Какая-то детская травма? — Задумчиво спросила Настя и тут же продолжила: — А что? Родители недолюбили. Игнорировали, а она думала, что недостаточно для них хороша. И становилась удобной.

— Ее съедает тревога. И она прячет настоящие чувства, — добавил Макс. — Ей хочется рыдать, а она улыбается.

— Если она не остановится... — Нахмуренный Глеб водил стилусом по планшету по линиям вероятностей будущего Марины, — то окончательно потеряет себя.

— Прекрасно!

Радость Бурова могла бы показаться кощунственной, но я четко знала, что он сказал не о Марине. Он радовался нашим успехам, нашим выводам и разъяснениям.

— Перечислите мне ее основные ошибки.

— Не нужно было ей писать второй раз. Это выглядит как мольба о внимании.

— Прекрасно! Еще?

— Она сидела со своим телефоном в обнимку все это время. Следила за ним. Это выматывает. Она живет им, а не своей жизнью.

— Отлично. Еще?

— Самое главное, — ответила я. — Марина себя обманывает. И его обманывает тоже. Боится его потерять, а по факту показывает, что с ней можно и нужно так поступать.

Буров хитро улыбнулся.

— Каждый получает то, что заслуживает?

— Получается так, — сокрушенно кивнула я. — Он бессознательно проверяет насколько она терпима к пренебрежению. И что видит? Очень даже терпима. Ей бы понять, что, если ты человеку важен, он не заставит тебя страдать. Если человек хочет, он ответит с первого раза.

— Жить своей жизнью ей надо. Своей, — Михаил Буров будто поставил точку. — А не искать подтверждений своей значимости и не играть в догонялки. Она пытается догнать того, кто от нее убегает. Такие вот людские игры. Именно так люди и кормят аяты.

Я смотрела на экран. Марина уже улыбалась, печатая ответное сообщение, а графики её эмоций продолжали метаться между красным и чёрным. Радость и злость. Счастье и боль. Всё вперемешку. А где-то над ее домом в надпространстве пульсировал и разрастался аят. Неразумному паразиту хватало «еды». Эмоции и чувства Марины вполне ему подходили.

«Она даже не понимает, что происходит», — подумалось. И это пугало больше всего — насколько легко мы себе врем этого не замечая.

Почему-то вспомнился мой первый парень. Ветреный был, ловелас. Но у меня тогда хватило ума не искать причин в себе, когда он неожиданно отдалился, а отпустить. Насильно мил не будешь, а я достаточно хороша, чтобы растрачивать жизнь на попытки заслужить чье-то внимание.

— Новый сет. Начинаем, — сказал Буров, привлекая всеобщее внимание к экранам. — Глеб, запускай.

Сет 5. Мама знает лучше

Чай медленно остывал в чашке с красным горошком, лампочка в старом, потрепанном абажуре моргала, раздражая вспышками света и так удрученную Оксану. Разговор предстоял неприятный, но и без разговора никак. Внутри маленьким огоньком вспыхивала и дрожала надежда, что, может быть, на этот раз, ну а вдруг?

— Я хочу развестись, мам, — наконец, произнесла.

Острое звяканье за спиной разорвало тишину. Слишком жестко вернулся чайник на железную подставку. В груди что-то сжалось, и Оксана почувствовала себя маленькой девочкой, позабыв о том, что за стеной в спальне спит ее пятилетняя дочь.

— А я тебе говорила!

Оксана молчала.

— Что можно ждать от человека, который крутит коровам хвосты?

— Он ветеринар в городской клинике, мама.

— Какая разница? И характер у него отвратительный. Придирчивый, вредный, носки бросает везде грязные, тарелку за собой помыть не может. Смеется будто конь. Ну, так неудивительно, понятно, где научился. В конюшне, когда роды у кобыл принимал.

— Мама, пожалуйста, — устало выдохнула Оксана. — Я уйду не поэтому. У него появилась другая. Он совсем не обращает на меня внимание, задерживается допоздна.

— Весь в папашу. Тоже тот еще лысый кобель. Смотрел на меня на вашей свадьбе похотливо, чуть ли слюной не брызгал.

— Он профессор.

— А ты чего их защищаешь? Оставалась бы тогда с ними, терпела. Да и кому ты такая будешь нужна? Разведенка с прицепом.

У Оксаны потекли слезы из глаз. Ее мать не человек, который готов поддержать, а самый настоящий судья. Злой, жестокий, не думающий о том, что причиняет боль.

Часы на стене тикали, в кухне пахло жареным луком и чесноком, и от запаха Оксану слегка подташнивало. Она смотрела на лицо матери, покрытое сеточкой морщин, в холодные голубые глаза, на плотно поджатые губы и не понимала, к чему вообще этот весь разговор.

Нет! Мать ей не союзница, не подруга, просто женщина, которая ее родила, не дала сдохнуть от голода и холода на улице, но оставила без тепла. Глупо тепло искать там, где постоянно зима.

Оксана резко поднялась со стула.

— Зато ты терпела всю жизнь, — в сердцах бросила. — И что толку? Осталась одна старая и больная, и злая!

После этих слов она прошла в спальню, разбудила ребенка.

— Куда это ты собралась? — в дверях появилась мать. — Еще и ребенка разбудила? Совсем с ума сошла? Мозги есть или нет? Она же спит! Оставь!

Оксана закончила одевать дочку, затем оделась сама. Так стремительно двинулась к двери, что мать посторонилась. Покрутила пальцем у виска.

— Бешеная ты какая-то!

Оксана рванула к дверям.

— Вырастила неблагодарщину! Ну иди-иди! Вернешься все равно! Куда денешься?!

Оксана плакала, внутри образовывалась пустота и как будто даже облегчение. Пытка прекратилась. Ее сковывал страх, но она понимала, что никогда сюда не обратится за поддержкой. Сюда. Никогда. Никогда.

— Господи! До чего же токсичная женщина! – воскликнула Настя, когда экран погас. – Как можно так поступать с дочкой? Не понимаю. Это не забота, это издевательство какое-то.

— Вы видели какой над ними был жирный аят? – спросил Макс. – Этот черный туман просто сосал из них обоих энергию. Мать вырастила это чудовище из своего нарциссизма и нереализованности. Зависть к свободе дочери, желание ее контролировать, обесценивание усилий Оксаны. Такой крайне неприятный коктейль.

— Мать просто повторяет свою мать. Вот и все, — пояснил Буров. – Люди часто ведут себя так, как их воспитали и копируют своих родителей. Травмированная женщина, застывшая в том, чему ее когда-то научили.

Я отпила кофе из чашки, наслаждаясь сладким послевкусием. Сливки и сахар, нет ничего лучше, что так смягчает и подчеркивает вкус напитка. Мне нравился такой состав, как и нравились наши занятия. Программа «Замочная скважина» после дела Алии Шурзиной стала нашим открытием. Она развивала и учила нас, и помогала лучше выполнять рабочие обязанности в бюро. Жаль, что ее не было раньше. Мы могли бы многое спрогнозировать и увидеть. Я так отвлеклась от беседы, вспоминая драматические события тех недель, что возвращать себя в дискуссию мне пришлось волевым усилием.

— Если так разобраться, — рассуждала Алена. – Ее слова: «Я же говорила!» – самый настоящий триумф злорадства правоты той, кто так и не смог стать счастливой. Она самоутверждалась, а не помогала, и показала, как Оксана глупа по сравнению с ней. Мать больше волнуют приличия, а не счастье дочери. Как же это все-таки глупо!

— А эти слова? Что она никому не нужна с ребенком? – продолжила я. – Любая женщина расцветает, как только начинает любить себя. Уважение к себе и внутреннее достоинство те качества, которые притягивают людей. В этом ценность женщины. И мужчины. Без разницы! Надо же, ребенок обуза! Да какая обуза? Есть много мужчин, которые любят детей и с удовольствием занимаются с ними. Обычно это самодостаточные и сильные духом мужчины. Вон, Алиа с тремя детьми встретила того, кто за ней сейчас бурно ухаживает. Она сама мне говорила об этом!

Буров согласно кивнул. Он сидел на краю своего массивного рабочего стола и внимательно слушал. В его серых глазах блестели искорки радости, хотя на его лице не было и тени улыбки. Мой начальник хоть и был загадочным человеком, но мне иногда казалось, что я читаю его как раскрытую книгу.

— Мать своим поведением лишь усиливает чувство вины Оксаны и закрепляет зависимость. Она делает все, чтобы молодая женщина чувствовала себя неуверенно и проиграла тот же самый несчастливый сценарий. Она лишает ее опоры в трудный момент.

— Так какие ошибки допускает Оксана? – спросил Буров. – Перечисляйте.

— Она искала поддержки не в том месте и не у того человека.

— Еще.

— Ей не нужно было оправдываться и что-то объяснять. Если надо объяснять, то не надо объяснять. Как-то так, — ответила на этот раз Настя. — Границы нужны с такими людьми. Гра-ни-цы!

— Еще.

— Нельзя просить поддержку в моменты своей уязвимости у токсичных людей. От этого только больнее. «Я бы вообще дистанцировался», — произнес Глеб. – И я еще увидел их будущее. И для дочери оно гораздо лучше, чем может показаться вначале.

— Что ты там увидел? – спросила я.

— Она придет к нам и со временем поймет, что ни в чем не виновата. Что она просто выросла рядом с токсичной матерью, перестанет ждать от нее одобрения и любви, потому что мать не способна на эти чувства. И найдет опору в себе.

— Она разведется?

— Еще бы! И выйдет замуж за Макса!

Выражение лица Макса нужно было видеть! Смесь недоумения, неверия и ужаса заставило всех рассмеяться.

— Шучу-шучу! – расхохотался Глеб. – Просто проверил реакцию!

Я улыбнулась, глядя на их перепалку, но мысли вернулись к Оксане. К тому, как она собирала спящую дочь, как дрожали её руки, как она плакала, выходя из той холодной квартиры.

«Куда денешься?» — кричала ей вслед мать.

А Оксана пошла. Просто взяла и ушла. И в этом был её первый шаг к свободе.

Я поймала себя на мысли, что горжусь ей. Потому что она найдет в себе силы разорвать эту токсичную связь. Пусть с нашей помощью, но почему бы и нет? А сколько людей живут годами, десятилетиями в таких отношениях, боясь сделать ответственный шаг?

Буров прервал мои размышления:

— Следующий кейс через полчаса.

Михаил явно решил преподать нам ускоренный курс выживания в мире токсичных людей. Впрочем, меня это радовало.

Понимание механизма страданий позволит лучше понимать клиентов и быстрее находить варианты для помощи.

И, конечно же, я сама не была совершенством. Я также злилась, меня раздражали разные вещи. Например, грязь в подъезде или излишний шум от соседей по ночам. Но здесь в Бюро мы учились управлять своими эмоциями, в том числе наблюдая за жизнью. А это дорогого стоит.

Я кивнула и допила свой кофе. Со сливками и сахаром. Такой, как я люблю. Очень важно делать в жизни вещи, которые нравятся, почаще баловать себя. А еще не помешает размяться, потому что впереди новый сет.

Сет 6. С таким лицом лучше не выходи. Часть 1 (Настя)

Настя прихорошилась перед зеркалом в последний раз. Губки покрашены, реснички все стоят как солдатики, на лице ни пятнышка, ни прыщика, ничего. Идеальный макияж для похода на вечеринку с подружками. Сегодня она затмит всех, это точно!

Последний штрих – селфи, похвастаться своей красотой, скинуть Сашке, пусть видит, какая она у него. Фотография улетела с надписью: «Как тебе?» и сердечко, чтобы подчеркнуть чувства.

Ожидание. Минута, две. Галочки горят, что прочитано. Набирается текст. Настя себе улыбалась, предвкушая комплимент от любимого. Он оценит, а еще пусть чуть-чуть приревнует. Пусть он знает, что встреча с подружками, но задумается насколько она хороша и соблазнительна и испугается ее потерять. Идеально же? Да!

«Что это такое я вижу? С таким лицом лучше не выходи!» И смеющийся смайлик.

Внутри все как-то внезапно обрушилось. Надежда только на смайлик. Явно же пошутил! Но все равно написала:

«Что не так? Объяснись?»

«Да нормально все, просто, на первый взгляд, будто ты ночь не спала, а под глазами три килограмма консилера, чтобы синяки спрятать».

«Я нормально ночью спала и нет там трех килограммов!»

«Тогда просто смени консилер. И я занят сейчас. Не мешай мне».

Настроение окончательно испортилось.

Настя долго всматривалась в зеркало. Где синяки? Нет их. Нет! И консилер у нее просто отличный. Или... Или все-таки вот тут тень не так пролегла, а вот тут точно слой толще, чем нужно. Лучше все переделать...

— Господи! Как же она в себе не уверена! – воскликнула Кошкина Настя, глядя на то, как ее тёзка вот уже двадцать минут красится второй раз.

Хорошо, что наша программа позволяет перематывать события так, будто это видеозапись, а не наша реальность. Она способна спрогнозировать будущее на какое-то время, показать прошлое и никогда не ошибается. Буров так когда-то сказал.

Цвета эмоций на графиках героини нашего сегодняшнего занятия плясали от болотного-зеленого до такого же грязного красного. Тоска, раздражение и неуверенность. Она и правда думает, что выглядит плохо. Женщина в двадцать пять лет, у которой кожа нежна, не видно даже мелких морщинок. А если бы даже видно? Возраст всего лишь календарная условность. Не более.

— Вот козёл! – снова Кошкина.

Настя злилась и на Сашку, и на свою тёзку – за то, что та не видит очевидного. Злилась от собственного бессилия, я видела это по ее выражению на лице, чувствовала ее эмоции, как будто получила к ним доступ. Их интенсивность была невысокой, но все же...

— Это же надо попасть на крючок к такому пассивному токсикому. И ведь не придерёшься! Смайллик в конце поставил. Скажи ему, что он не прав, ответит «шуток не понимаешь». Терпеть не могу таких. Это фу! Зачем она с ним общается?

— Не уверена в себе. Зависит от оценки других. Наверное, отец обесценивал, — прокомментировал происходящее Макс. – Ей бы слушать только себя, а она зачем-то ищет в других подтверждение.

Настя чувствовала себя очень скверно.

Второй макияж провалился, слезы, потому что текут. На щеках грязные полосы, нужно все переделывать. Какая там вечеринка с подругами, если настроение безнадежно испорчено?

Сашка... Он же просто заботится так, как умеет. Больно, но больно просто от правды. Это она слишком чувствительная, поэтому так реагирует.

Кое-как себя успокоив, Настя с третьей попытки нанесла макияж, а потом предсказуемо опоздала на встречу. За большим столом выбрала место подальше, там, где меньше всего освещения. Ее лица так будет не видно. Глядя на веселых подруг, блистающих своей красотой, она чувствовала себя гадким утенком. Ни туда, ни сюда. И макияж делать она не умеет. И выглядит намного хуже. Одним словом, дурнушка.

«Ты прав», — написала чуть позже. «Ужасно выгляжу сегодня. Прости». Сашка ложь ей не скажет. Он всегда говорит правду и считает, что это правильно.

«Ты молодец, что признала!» А в конце он поставил сердечко.

Настя открыла альбом в мобильном и взгляделась в свою фотографию. Как же она ужасна, нос кривой, брови тоже кривые. И, конечно, там синяки.

— Что он во мне нашел вообще? Но что-то же нашел, раз мы вместе? — тихо прошептала она. — Ну да, не красавица вовсе и улыбка как будто не настоящая, зубы немного кривые...

С фотографии на Настю смотрела счастливая красивая девушка.

— Что она несёт вообще? — посетовала я. — Как может из-за одного дебильного сообщения так сильно рухнуть самооценка? Главное, почему?

— Парень ударил по внешности. Это одна из болезненных тем для женщин. Что тут еще сказать? Вселил в нее неуверенность, сказал, что она недостаточно хороша. И завуалировал все под заботу. Классика жанра.

— Он создал несуществующую проблему, а она повелась, — фыркнула Кошкина Настя. — Зачем вообще искать поддержку от человека, который тебя обесценивает? Да я бы такого сразу же послала на хутор бабочек ловить!

— Это ты послала бы. А девушка у нас неуверенная. Она хочет понравиться тому, кто ее обесценивает. Думает, что если ему понравится, то она однозначно хороша, — заговорила Петровиченко Алена. — Но это так не работает. Токсикам ты никогда не понравишься, только если они не хотят получить от тебя что-то взамен. Когда им выгодно — они обсыпят тебя комплиментами. А в остальном, им лишь бы посамодутвердиться. Это же так очевидно.

Алена вдумчиво рассуждала об естественных вещах, к сожалению, недоступных для большинства. Как легко навязать на неуверенного человека несуществующую «правду», заставить сомневаться в реальности. У этого Сашки-какаш... В общем, у этого все получилось.

— Самое грустное в этой истории, — добавил Буров, — что Настя перед ним извинилась. Признала свою вину, которой не было от слова «совсем», и дала власть этому недостойному критиковать ее еще больше. Все начинается с мелочей. Сегодня мелкий укол, завтра он помоями ее обольет, а она будет купаться в них и радоваться, что он ее не бросает. А хотите посмотреть на него?

Буров неожиданно предложил заглянуть в жизнь Александра и нам это, конечно, понравилось. Экран моргнул, и мы увидели другую картину

Сет 7. С таким лицом лучше не выходи. Часть 2 (Александр)

Александр лежал на диване с самодовольной улыбкой. Света, Маша, Настя – каждая из этих женщин искала его внимания и хотела быть с ним. Что в общем-то неудивительно, с его-то неотразимой харизмой.

День выдался скучным, он слишком долго тянулся, а настроение портили мысли, что завтра опять нужно в офис. Туда, где занудный начальник наезжает за каждый косяк.

Когда телефон завибрировал и пришло сообщение от Насти, Александр даже чуть улыбнулся. Скучает! Выслала новое селфи. Глаза блестят, улыбается. Идет на встречу с подружками и хочет от него комплиментов. Ну точно маленькая. А он что должен? Обязан их ей говорить?

Что-то мутное зашевелилось внутри. Счастливая, довольная, цветет вся без него. Будет где-то там веселиться, пока он сидит один дома.

«Что это такое я вижу? С таким лицом лучше не выходи!»

Смеющийся смайлик в конце, чтоб не обиделась сильно. Но пусть задумается хоть ненадолго.

Наступила минута молчания. Александр представил, как портится настроение Насти и даже чуть улыбнулся. Приятно чувствовать власть, когда ты можешь двумя предложениями управлять эмоциями человека. Чувство значимости – такое теплое чувство.

«Что не так? Объяснись?»

Хм. Рыбка клюнула. Как же иначе?

Добавил красок:

«Да нормально все, просто, на первый взгляд, будто ты ночь не спала, а под глазами три килограмма консилера, чтобы синяки спрятать».

Его распирало от самодовольства. Нет там никаких синяков и выглядит она хорошо. Даже очень. Но зачем это ей говорить? И так стала слишком уверенная в последнее время. Проводит время с подругами, даже не задумывается спросить разрешения, ставит его перед фактом. Вот пусть теперь думает, что недостаточно хороша и лучше старается.

«Я нормально ночью спала и нет там трех килограммов!»

Злитесь? Задел ее за живое. Прекрасно. Но лучше не продолжать. Пусть почувствует, что его время для нее — это праздник, подарок, который он дарит ей время от времени.

«Тогда просто смени консилер. И я занят сейчас. Не мешай мне».

Александр откинулся на подушки, экран в руках потемнел. Вроде победил, настроение однозначно ей испортил, но внутри пустота. Хотелось бы обидеть сильнее, но лучше не перегибать. Еще сбежит вся в слезах.

Вспомнил, как в прошлом отец что-то подобное выкинул матери. Что-то про платье сказал. Мать долго плакала в комнате, как же ей было обидно. Но то мать, а это просто подружка. Должна свое место знать.

Если женщина слишком счастлива без тебя — она предельно опасна. Может уйти. Найти кого-то лучше. Поэтому нужно... нужно просто её осадить. Чтобы помнила и ценила, кто с ней. Чтобы знала, что это он ее выбрал. Пусть думает, что недостаточно хороша.

«Ты прав», — позднее пришло сообщение. «Ужасно выгляжу сегодня. Прости».

Внутри разлилось тепло. Приятное. Она сказала, что он прав. Хорошо.

«Ты молодец, что признала!»

В конце он поставил сердечко. За послушание. Хорошая девочка. Супер.

Экран погас. Александр смотрел на свое отражение в стекле мобильного. Обычное лицо. Серое. Ничего особенного. Такое вообще можно любить?

Он быстро отогнал неудобную мысль. Настя любит. Вон, терпит, хочет быть с ним. Это ли не доказательство? Все правильно. Так и должно быть.

— Нет, ну вы это вообще видите? – возмущенно спросила Настя, показывая на экран.

Ядовито-оранжевый график эмоций героя с красными, черными всполохами. Ненависть, самодовольство, чувство превосходства и власть. Садистское удовольствие от чужой боли. И тёмно-синяя неуверенность текла по низу картинки.

— Он получает удовольствие от того, что ее ломает, — констатировала я. – Это не любовь. Игра. Чем ниже ее самооценка, тем меньше вероятность, что она его бросит. Как это... предсказуемо и очень противно! Он мне напоминает Тимура.

Вспомнился один тип, который чуть не убил жену и своих дочерей... Вроде бы было недавно, а кажется прошла целая жизнь.

— Абьюзеры все на одно лицо, увы, — кивнула, соглашаясь, Алена. – Сам комплексует, но, самоутверждаясь над Настей, чувствует себя ого-го. Мерзавец!

— Как долго она готова терпеть? Сколько это еще будет длиться?

— Тестирование границ, — сказал, будто отмахнулся Буров. — Сколько она может позволить? Не бьёт и не убивает, но каждый день отрезает кусочки, пока она не истечет кровью своей самооценки и не превратится в вещь. Себя можно обманывать долго, но если в отношениях, то прекрасно, то плохо – это показатель, что ты летаешь на качелях эмоций.

— Вот почему я не хочу отношений, — добавил Макс. — Слишком обширное поле для манипуляций.

Мы посмотрели все друг на друга. Казалось, урок понятен. И вмешаться нельзя. В программе «Замочная скважина» мы можем только наблюдать и не больше. Вмешиваться нельзя, пока человек сам не захочет меняться.

— Я требую альтернативной концовки! – вдруг вскрикнула Настя. – Глеб! Ты можешь показать, как поступила бы Настя, если бы больше верила в себя?

— Ну... Теоретически это возможно.

— Я хочу увидеть лицо этого... — сделала паузу, — Сашки. И насладиться эффектом.

— Отомстить ему хотя бы в фантазии? – засмеялся Глеб. – Не знал, что ты настолько кровожадна!

— За тёзку?! Еще бы! Покажешь?

Глеб взглянул на Бурова, тот кивнул, одобряя идею. Наш шеф понимал: лучшая учеба для нас увидеть, что можно иначе.

Экран вспыхнул, но мы увидели фигуры размытыми. Потому что это лишь вероятность, не реальность, увы. Но всем было понятно, что это наши герои.

Настя отправила селфи и получила ответ:

«Что это такое я вижу? С таким лицом лучше не выходи!» И смеющийся смайлик.

Вот дает! Настя хмыкнула.

«Значит мне не придется с таким лицом отбиваться от поклонников. Останусь тебе верна», — написала ему в ответ и вдогонку выслала смайлик, где ему подмигнула.

Она выглядит сногшибательно. Точно! В свои двадцать пять с безупречным своим макияжем. А если он в себе не уверен, то совсем не обязательно свои проекции переводить на нее.

«Я просто пошутил. Ты разве не поняла?» — прилетело вдогонку.

«С собой так шути, Сашок. А мне такие шутки не нравятся. Не смешно».

И никаких оправданий. Настя на минуту задумалась. Если подобное еще повторится, то лучше поискать нового парня. Зачем ей в жизни токсичный попутчик? Кто он такой, чтобы возвращать в ней неуверенность? Жизнь одна, и она у себя тоже одна и достойна самого лучшего. Настоящая забота боль не причиняет, а шутка радость не убивает. Аксиома проста.

Урок закончился. Альтернативная вероятность исчезла, лопнула, как мыльный пузырь, оставив нас в кабинете начальника.

— Вот это я понимаю! — Кошкина аплодировала. — Видели его рожу? Когда она его осадила?

Я тоже видела, когда оранжевое самодовольство мужчины сменилось серым замешательством. Он растерялся, потому что женщина не играла по его правилам.

— А теперь скажите мне, — Буров обвёл нас взглядом, — в чём разница между этими двумя Настями?

— Границы, — первой ответила Алёна. — Одна их держит, другая — нет.

— Вера в себя, — добавил Макс. — Одна знает себе цену, другая ищет подтверждения.

— Выбор, — тихо сказала я. — Одна выбирает себя. Другая — его одобрение.

Буров кивнул.

— И кто из них счастливее?

Мы молчали. Ответ был очевиден.

На экране снова появилась реальная Настя. Она сидела в углу ресторана, в тени, и листала свои фотографии. Искала и искала изъяны.

— Жаль, что мы не можем ей помочь, — прошептала Кошкина.

— Пока она сама не попросит, — ответил Буров. — Но когда-нибудь она это сделает. Люди всегда приходят к нам, когда боль становится сильнее страха.

Я смотрела на альтернативную Настю, которая ещё светила на соседнем экране призрачным силуэтом. Уверенная. Свободная. Живая.

«Когда-нибудь ты станешь такой, — мысленно сказала я Насте. — Обязательно станешь».

И тут же вспомнилось, как вроде бы совсем недавно моя работа была другой. Раньше цифры, отчеты, балансы, а сейчас я нахожусь в самой гуще событий, разбираясь с перипетиями судеб. Тогда будни казались мне серыми, без каких-либо перспектив. Но просто выбор, подкрепленный крохотным намерением всё изменить, и вера в себя привели к тому, что я сейчас имею: ощущению себя на своем месте, движению, развитию.

Сет 8. Мне 35, и я НИКТО

Лена лежала на диване и листала соцсеть. Яркие картинки из жизни людей контрастировали с убожеством ее мелкогабаритной однушки, купленной не так давно. За окном слышался смех молодежи, собирающейся идти в бар, чтобы там выпить и потанцевать. Она бы тоже могла... Да только в кошельке жалкие крохи. В холодильнике гречка и яйца – скромный ужин таких людей, как она. Нищевродов и неудачников. Неудачниц.

В ленте всплыла фотография яхты: белоснежной, качающейся на волнах возле причала, но внимание привлекла не она, а женщина, стоящая рядом. Катька? Соколовская Катька? Как же она изменилась!

И приписка к посту: «Мальдивы, наконец-то! Заслуженный отдых после запуска нового проекта! Хэштэги #моябизнесимперия #успех».

Лена перешла в профиль бывшей своей одноклассницы. Офис в небоскребе с панорамными окнами, дорогой автомобиль, пентхаус с видом на город. Счастье на лице Катьки, достаток, успех. Весь профиль кричит о роскоши, до которой ей, Ленке, никогда не добраться.

А ведь когда-то, кажется, что в другой жизни, они сидели за одной партией. Дружили. Катька – троечница, она же была отличницей... В какой момент все изменилось?

Лена обвела взглядом дом... Старая обшарпанная мебель, обои бы надо сменить – вон, в углу часть отклеилась, на потолке желтый развод. Соседи топают сверху. Из одежды два платья и джинсы, брошенные на продавленном кресле. Дом... Не дом, а просто каморка. Завтра день рождения у Маринки, а ей подарок не на что купить. Что такое три тысячи до зарплаты?

Слезы сами потекли по щекам и в какой-то момент превратились в рыдания.

— Мне тридцать пять. Я никто... никто... У меня ничего нет и не будет. Если бы я лучше у-училась... Если бы не этот Серега... Почему в другой семье я не ро-одилась... Тупая... Тупая... Слабая... Неудачница! Неудачница! Неудачница...

Я смотрела на то, как красивая молодая женщина истязает себя и не верила своим глазам. Цвета ее эмоций варьировались от грязно-синего, темно-зеленого к черному и обратно. Тоска, ненависть, зависть, почти депрессия. На экранах плясали графики Лены, напоминавшие скорее унылое болото или грязный кисель, мешанину цветов, что очень и очень удручало. На лицах моих коллег я видела те же чувства, что посетили меня.

Как можно так не ценить свою жизнь? Как можно так обесценивать свои достижения? Как можно сравнивать себя с другими людьми, ведь это очень бессмысленно?

— А мне ее вовсе не жаль, — внезапно прервал тишину Буров. — Она сама выбирает что чувствовать и как относиться к своей жизни.

— Ее жизнь тяжела! — тут же возразила Алена. — Ей сложно. Работа. Маленькая зарплата. Усталость, ответственность.

— Она сама купила себе квартиру! Работу можно сменить. И научиться видеть возможности и стремиться к ним, а не заниматься самобичеванием, — высказала я свою точку зрения. — Зависть не так плоха, если ее энергию направлять на развитие, а не на саморазрушение. А Лена мучает себя.

Я четко понимала одно: для нашей героини чужой инстаграм оказался маркером статуса, успешной жизни, чужая профессия – мерой собственных достижений. Бизнес против рядового сотрудника. Бизнес-леди против рядового бухгалтера. Но кто несет ответственность за то, что Лена себя не ценит? Только сама Лена и никак иначе.

Можно повышать квалификацию, учиться, сменить работу, как это сделала когда-то я. Можно брать подработки. Все лучше, чем бесцельно лежать на диване, подглядывать в чужую жизнь, сравнивать и страдать.

— Она считает, что возможности у них были равны. Нет, не так, — задумчиво произнес Макс. — Еще хуже. Подруга троичница и такие достижения. А она отличница и в крохотной квартирке с зарплатой.

— А еще возраст! — Кошкина Настя добавила. — Считает, что в тридцать пять стала старухой. Как так? Каждый год жизни важен и всегда можно учиться, чем-то заниматься. Я не понимаю...

Буров смотрел на нас и улыбался.

— Вы не понимаете главного! Лена смотрит на чужую витрину и считает, что это истина. Почему-то не думает, что никто не будет напоказ выставлять свои нищету и проблемы. Глеб, — неожиданно обратился он к нашему рыжеволосому другу. — Покажи им.

Глеб снова запустил программу, и мы увидели красивую женщину — одноклассницу Лены. Катя сидела в пустом офисе поздно ночью и что-то усердно считала. Ее лицо не было похоже на лицо довольной, успешной женщины. Скорее, наоборот. Уставшее, раздосадованное и даже со следами слез на щеках.

«Вот гады», — ругалась тихонько она: «Где я вам найду столько денег? И реструктуризацию кредита ведь не дадут. А проценты? Грабительские! Зачем я подписалась на это? Ничего-ничего. Я придумаю что-нибудь».

— Наша Екатерина в долгах, — пояснил Буров. — У нее проблемы с мужчиной. Ссорятся они из-за того, что она постоянно задерживается. Но Лена не знает об этом. А даже если бы у Екатерины было все хорошо? Главное, не то, что у Кати все плохо, а то, что Лена придумывает за нее. Понимаете?

Мы понимали.

— Я аплодирую Кате. Она взяла на себя ответственность, пытается решить проблемы. Никого не обвиняет. Ругательства в адрес банка не в счет. Это всего лишь эмоции, — продолжал Буров. — А вот наша Лена — просто типичная жертва. «Я никто и ничего не могу. Зачем пытаться. Они лучше меня». Это все так удобно, а главное не требует ресурсов, кроме регулярных страданий. Это ее выбор жить так. Аят будет только рад кормиться за ее счет до тех пор, пока она не осознает.

Я поморщилась. Эти черные, серые спруты надпространства, питающиеся людской энергией хоть и считались неразумными тварями, но осознавать, что их щупальца касаются тебя в моменты эмоциональных качелей, было тем еще испытанием.

— Если бы она хотя бы дома не сидела одна, не листала соцсети, встретила бы с кем, погуляла, не копалась в прошлом, — задумчиво сказала Алена, — как знать, у нее не было сегодня такого расстройств. Одиночество усугубляет проблемы. Самобичевание из-за чего? Энергия уходит в пустое. А годы летят...

— У каждого человека свой путь. Мы приходим в этот мир, чтобы чему-то научиться. Лена пришла научиться ценить то, что смогла построить сама, но у нее пока это не очень получается.

— Работа есть, она независима. Квартиру себе купила. Еще молода и красива. Пережила развод, не сломалась. За это нужно себя уважать, а не вот это всё, — посетовала Настя.

— Я тут прошлое ее посмотрел, пока вы тут пылали эмоциями, — пробурчал почти под нос себе Глеб и продолжил отчетливее: — Она выросла в семье, где ее постоянно с кем-то сравнивали. То в лучшую, то в худшую сторону. Вот она и пытается удержать контроль. Если успешна — значит, достойна. И наоборот.

— Молодцы, — Буров вдруг нас похвалил. — Разобрались. Каков ваш главный вывод? Сравнить можно вообще или нет?

Михаил хитро улыбнулся. Все сразу почувствовали в вопросах начальства подвох, но ответ я знала прекрасно. Поэтому не заставила себя ждать. Красоваться, так красоваться. Хвастаться жизненной смекалкой тоже надо уметь.

— Сравнить можно. «Себя с собой», — уверенно произнесла с улыбкой. — Вчера я была одной, сегодня стала лучше. Завтра буду совсем другой. Но важно себя не ругать, если что-то не нравится, а делать выводы.

— Что за выводы?

— Что нужно сделать, чтобы изменить что-то к лучшему, если что-то не нравится. Очевидно же!

Я снова посмотрела на экран и внезапно оказалась в надпространстве. Лена всё ещё лежала на диване, уткнувшись лицом в подушку. Плакала. Ее тело, руки, ноги обвивал серый клубок энергии. Огромное щупальце пульсировало и мерцало, жадно впитывая ее страдания.

— Лена поймёт это когда-нибудь? — тихо спросила Алёна.

— Когда устанет страдать, — ответил Буров. — Рано или поздно каждый человек делает выбор: продолжать жалеть себя или начать что-то менять. Вопрос только в том, сколько лет или жизней он потратит на жалость.

Категоричность Михаила разрезала меня без ножа.

— Не все могут быть сразу сильными, смелыми. Кому-то нужно для этого время.

— Никто с этим не спорит. У каждого Духа свой путь и всякому событию свое время.

Мне вспомнилась моя собственная квартирка. Старенькая, но уютная. Любимый Бракс, пускающий слюни по любому поводу. Любимый шерстяной друг и защитник. Это была моя жизнь, единственная, неповторимая. Мне не нужны были яхты, Мальдивы. Но я знала, что если захочется, то приложу все силы, чтобы исполнить желание.

— Следующий кейс будет завтра, — объявил Буров. — А сейчас за работу. Василиса, жду отчет по Мансуровой.

Еще одна клиентка бюро. Столько лет она терпела мужа-ловеласа: дети, обязательства, условности «что люди скажут». Всё это время страх остаться без денег держал её на месте, превращая жизнь в серое существование рядом с человеком, который не ценил ни её любви, ни усилий.

Но, к счастью, всё изменилось, когда Мансурова осознала, как важно себя не предавать в угоду чьим-то желаниям.

Она не впервые жертвовала собой, повторяя одни и те же уроки вот уже несколько жизней. И каждый раз вместо благодарности слышала только упрёки. Ведь удобство всегда вызывает презрение у тех, кто привык только брать.

Я кивнула Бурову и пошла за бумагами.

А что, если все было бы немножко иначе?

Часть 1. Буров и Елизавета Андреевна

Я стояла в чужой кухне с рыжим котом, который шипел на меня, как на привидение. Хотя минуту назад я была в кабинете Бурова. Что, черт возьми, произошло?

Все началось, как только я принесла документы. Отчет о клиентке, что получилось изменить в ее жизни. В кабинете у Михаила была Елизавета Андреевна. Она, как массивное сиреневое облако, нависла над столом шефа, а шпильки в ее волосах угрожающе подрагивали в такт произносимым словам.

— Михаил! Вы должны меня отпустить! Сегодня! Прямо сейчас! У моей кошки большие проблемы!

— Что с вашей кошкой не так, что требует вашего присутствия в рабочее время?

Буров, как всегда, был невозмутим и спокоен.

— Позвонила соседка! Говорит, Пимочка сидит на балконе и жалобно под дверью мяукает. Весь день сидит, слышите?! С самого утра!

— Вы ее заперли там?

Возмущение с наигранным ужасом в вопросе шефа заставило меня улыбнуться.

— Нет, я не могла! – тут же стушевалась Елизавета Андреевна. – Это случайно все вышло. Дверь захлопнулась как-то сама.

— Ну, конечно. Я так и понял, — Буров сделал сосредоточенное лицо понимающего человека и усердно закивал. – И что же?

— Вы должны меня отпустить?

— До конца рабочего дня еще час.

— Пимочка голодна, хочет пить. Она страдает!

— Не зима сейчас и не лето. Какой-то апрель. Уверен, что ваша принцесса дождетя свою королеву-спасительницу! Примерно через два часа.

— Вы жестокий и бессердечный начальник! Вы заставите кошку страдать?!

— Интересно, а кто с утра балкон не проверил? — с иронией уточнил Михаил.

Он явно хотел, чтобы Елизавета Андреевна прочувствовала всю силу ответственности за свои невнимательность, спешку. С кошкой ничего страшного не случится, я это чувствовала, как никогда, и не верила в жестокость начальника. Буров умел учить и знал многое и даже больше.

Я смотрела на попытки секретарши хоть как-то повлиять на начальника. Интересно, шеф хоть раз уступал Елизавете Андреевне?

И вот тут, на этой мысли, я зачем-то оказалась на кухне. За овальным столом у кого-то в гостях. За окном сумерки. На окне желтые занавески в красный горошек. Над столом абажур в синий цветочек. Холодильник с кучей магнитиков. Кот. Рыжий кот, сидящий напротив, на столешнице рядом с кухонной мойкой.

— Привет, — тихонько сказала я, обратившись к животному.

Сны часто мне снились странные, поэтому меня чужой квартирой не прошибешь. Может, я слегка вздремнула после обеда, и вот он – результат! Как бы я себя не уговаривала, но сердце заколотилось как бешеное. Возбуждение, страх, интерес. Все смешалось внутри от эмоций.

Кот внимательно посмотрел на меня, а потом зашипел. Я бы тоже зашипела, если бы на мою кухню вломилась какая-нибудь незнакомая женщина и расселась на моем мягком диване.

— Мурзик! А ты что тут делаешь? – знакомый голос с привычным мне возмущением я услышала прежде, чем увидела ее.

Ее – Елизавету Андреевну. Женщину, как будто лет на десять моложе той, что сидела в приемной. Те же волосы, та же прическа, нос, губы. Всё, как всегда. Пожалуй, только вместо сиреневого костюма на ней была сейчас синяя юбка и симпатичная кофточка.

— Ну-ка, иди погуляй! Тоже мне повар нашелся!

Елизавета Андреевна гордо продефилировала к плите, где стояла кастрюля с борщом. Как я сразу ее не заметила? Красное, пахучее варево весело булькало под приоткрытой крышкой, распространяя по всей квартире душистый аромат. Угадывались нотки лаврушки и черного, красного перцев.

— Дорогая! Когда уже будет готово?

Да-да! Если бы я не сидела, то грохнулась тут же на пол. В кухню вошел мой начальник. Михаила нельзя не узнать. Только на этот раз он был не в джинсах, не в белой рубашке с закатанными рукавами, а в тренировочных черных штанах и красной майке.

Ни Елизавета Андреевна, ни Буров меня не видели. В этом я сразу же нашла преимущество.

А вот мужские бицепсы я оценила. Немного позже, когда успокоилась. А пока с раскрытым ртом смотрела на то, как Буров подошел к секретарше и сзади ее приобнял.

— Лизонька, ты всех котов разбаловала, что теперь Барсик на диван не влезает!

«Лизонька?!»

Я ахнула. Кот тут же еще раз зашипел. Мои руки, ноги похолодели, но Лизонька повернулась, чмокнула Бурова в шейку.

— Что-то Мурзик у нас беспокойный, — сказала с тревогой, нахмурилась. – Смотрит и шипит на диван, будто видит там кого-то. Говорят же, что кошки умеют видеть то, что люди не могут. Потусторонние силы.

— Может, тут привидения? – весело пошутил мой начальник. – Привидение, а ну выходи!

Я тут же вжала шею в плечи, опасаясь раскрытия. Только этого мне не хватало! Вообще, где я? Я сплю? Щипок выдал боль. Нет, вроде все чувствую. А что же тогда происходит?

Нет, меня продолжали не видеть. Люди жили свою жизнь, я же стала безмолвным свидетелем.

— Котик, а ты не мог бы собрать всех детишек? Пришло время ужинать вместе.

Я оцепенела. Как отсюда сбежать? Если сейчас сюда прибежит ватага детишек, меня затопчут на месте. Кухня не такая большая, и пусть я сижу в самом углу, не факт, что по мне пробегутся, и не факт, что я не почувствую.

Когда Буров вернулся на кухню, я чуть второй раз не упала с дивана. Мой шеф, мой любимый начальник пришел с тремя котами в руках. К четвертому в дополнение.

— Дорогая, я всех принес. Что дальше делать прикажешь?

Его тон, его желание угодить своей зазнобе, вся эта ситуация, в которой мой строгий продвинутый шеф оказался невольным или вольным участником меня вдруг рассмешили. Последний каплей стал взгляд, нечаянно брошенный на пол, где я увидела мужские домашние тапочки с огромными красными помпонами.

Напряжение, страх выплеснулись, и я расхохоталась и... вернулась в офис и не куда-то, а напрямик в кабинет Михаила. Непонимание на лицах Бурова и Елизаветы Андреевны, ошарашенных моим поведением, я до сих пор не забыла. Но было уже не до них. Растерянность, впечатления от увиденной домашней сцены, сиюминутное желание все забыть, будто ничего не случилось... Объяснения себе. Я спала? Вздремнула. Как лошадь стоя, прямо в кабинете начальника?

— Василиса, что с вами? – Михаил спросил озабоченно.

— А... Я. Ничего... Простите, — бессвязно пролепетала, пытаясь навести порядок в голове.

Там был хаос. Кажется, я медленно сходила с ума. А еще из головы никак не уходила картинка Бурова в трениках и красной майке с тремя котами под мышками, в пушистых тапочках. И это... «Котик». Так она его называла?

Едва не икнув то ли от нового приступа смеха, то ли от страха, я положила на стол папку с бумагами.

— Я пойду, ладно? Не буду вам мешать, хорошо?

И ринулась вон из кабинета, напоследок заметив вздернутую от удивления бровь и явный интерес в серых глазах. Лишь бы только шеф не захотел сейчас во всем разобраться!

Уже за дверью прислонилась к стене, пытаясь нащупать реальность. Что теперь со всем этим делать?

Это было не надпространство. Я точно не спала. Сейчас я в порядке. Жива, здорова. Стою на твердом полу. Дышу. Вот офис. Вон мой кабинет. Буров и Пивнова на месте.

Тогда, где я на самом деле была?

Осознание приобрело форму вопроса.

Теперь, когда я знала больше о Вселенной, матрице, времени, прошлых жизнях, то ответ напросился сам. А что, если это другая реальность, и я нечаянно там побывала? В мире, где мой строгий шеф носит тапки с помпонами и называет Елизавету Андреевну «Лизонькой».

В горле пересохло. Сколько еще есть миров, и как туда попадать, а как сбегать, если что-то в них не понравилось?

Развидеть прошлое я однозначно уже не смогу: Бурова в тапках с помпонами, котов под мышками и его милую Лизоньку. Даже если захочу забыть — не получится.

Глубокий выдох, вдох. Еще и еще. Наконец, я успокоилась.

Достаточно сейчас того, что я физически не пропадала, иначе Буров и Елизавета Андреевна об этом мне сообщили. Может быть, это всего лишь глюк? Разыгравшаяся фантазия, что приобрела почти реальные формы. Может, мне нужен тут врач, а не попытки искать волшебство.

Я твердо пообещала себе, что если подобное еще раз повторится, то первым делом направлюсь к начальнику. Он точно поможет во всем разобраться. Да и рассказывать ему сейчас о тапках, котках и помпонах не было никакого желания.

Однако вечер и ночь стали для меня беспокойными. Только наутро эмоции слегка при- тупились. Настолько, что по приезду в офис я тепло приветствовала коллег и с радостью переключилась на сети, чтобы хорошенько остыть.

Сет 9. Я сказала: «Нет»

Поздний вечер. Спальня. Шторы чуть колышутся от легкого сквозняка, создаваемого ветерком, а лунный свет рисует квадратик на темном полу. Хочется спать. Закрывать глаза и отключиться. Не думать о завтрашних делах и прожитом дне.

Игорь кладёт руку ей на бедро. Привычный жест. Света знает, что дальше. Сейчас он потянет её к себе, поцелует в шею, и через пять минут всё закончится. Как всегда. Быстро, механически, без прелюдии.

Света лежит неподвижно. Внутри — пустота. Нет желания. Нет сил. Есть только усталость. Она весь день работала, забирала детей из школы, готовила ужин, проверяла уроки. Сейчас хочется только одного — спать.

Но она не может сказать «нет». Она никогда не говорит «нет». Потому что супружеский долг — это важно, а она не фригидная женщина. Нормальные жены мужьям не отказывают. Все лучше, чем если он обидится и потом будет три дня хлопать дверями и смотреть на нее с укором.

«Ну, давай же, всего пять минут пережить можно», — пытается уговорить себя Света, но желание не появляется.

Игорь ее целует, Света закрывает глаза. И... она не может. Каждое прикосновение к ней как принуждение, издевательство, нежелание услышать, нежелание ее уважать. Он лезет к ней без спроса, будто она обязана. Её тело. Её выбор. Почему она позволяет относиться к себе как к кукле?

Что-то внутри ломается.

— Игорь, не сегодня, — тихо говорит она.

Он замирает. Поднимает голову, смотрит на нее в темноте.

— Что?

— Я... устала. Не хочу сегодня.

Пауза. Тяжёлая, гнетущая. Сердце колотится.

— Ты серьезно? — в голосе недоверие. — Да, брось! Быстро сделаем все и спать.

— Нет. Я не хочу. Я сказала же.

Игорь продолжает ее целовать, не обращая внимание на слова. Каждый поцелуй как ожог, давление, пренебрежение ее ценностью и решением.

— Нет! — Света отдернулась от него. — Я попросила же. Не сегодня!

Игорь резко откатывается на свою половину кровати. Демонстративно отворачивается, дёргает одеяло.

— Ну спи! Я так знал, что я тебе больше не нужен.

— Игорь, не обижайся.

— Забей, — ледяным голосом он ответил. — Спокойной ночи.

Внутри все сжимается от чувства вины, от страха остаться без мужа. Нарастает желание извиниться и все исправить, хоть как-то все изменить.

Но тогда... Тогда ничего не изменится, и она снова себя предаст.

Света молча смотрит в потолок, и сонливость пропала. Внутри рвет душу буря и сквозь нее как будто проявляется что-то еще... Это что-то странное и незнакомое.

Облегчение.

Впервые она сказала четкое «нет» и не изменила решению.

— Да, Света! Да! — радовалась Кошкина Настя, глядя на выбор нашей новой героини. — Вы только посмотрите на это!

Настя буквально ткнула на левый экран, где сквозь грязно-синие всполохи чувства вины и ярко-желтые вспышки страха пробивались голубые полоски. Яркие, цвета ясного неба над головой в безоблачный день. Я никогда не думала, что так может выглядеть защита границ. Появление внутреннего четкого стержня, пусть даже его зачатков.

Света выбрала себя, и мы все это видели.

— Это для нее достижение! – поддержала Кошкину я. – Но в первый раз всегда страшно. Потом легче и легче. Если не сдастся, то поймет, что с границами она станет еще желанней со временем.

— Не все это способны понять, — прокомментировал Буров. – Люди думают, что если удобны, тогда их будут больше любить. И это подтверждается практикой. Только вместо любви их просто используют. Это так по-человечески путать любовь и принятие с терпением, пока это выгодно. Убери из уравнения «быть удобным», и жизнь развалится, наступит крах в большинстве случаев.

— Значит, если будет так продолжаться, то у Светы изменится жизнь?

— Верно. Я вижу три варианта развития событий, а наша героиня сейчас находится на важном перекрестке своей судьбы. Кто назовет, что это за три варианта?

Буров осветил то, что каждый из нас понимал. У каждого человека есть путь, изобилующий множеством развилок. Узловые точки судьбы дают выбор, куда потом пойдет наша жизнь и какой она будет. Выбор этот свободный, но не каждый умеет правильно им распорядиться.

Звон чашки, которую поставила Настя на стол, привлек всеобщее внимание к ней.

— Первый вариант самый легкий. Она сломается и все вернется на круги своя, — тут же начала рассуждать Настя. – Второй вариант самый грустный... Хотя почему грустный? Скорее, наоборот. Этот вариант будет самый честный. Игорь не сможет принять границы жены, он начнет обижаться. Ссор в семье станет больше. Дальше он не сможет смириться и наступит развод.

— Хорошо. Третий вариант будет каким?

— Идеальным, — выдохнула я, — для обоих. Им придется вместе учиться и расти. Она начнет укреплять границы, а он уважать ее выбор. Вот это и есть любовь к другому человеку и принятие.

— Сомневаюсь я, что Игорь будет расти. Он тот еще манипулятор. Тут же «ты меня больше не любишь, я тебе больше не нужен», — поморщилась Настя. — Фу!

— Но разве Света уважает желание и выбор Игоря, отказывая ему в близости? – нахмурился Буров.

— Михаил. Вы такой провокатор, — пожурела Алена начальство. – Выбирать нужно сначала себя. А Света использует секс как валюту, которой расплачивается за спокойствие в доме.

— Света молчит. Она хоть раз сказала мужу, что хочет прелюдию? Или что ей неприятно? Почему не говорила об этом вне спальни? – Возмутился Козлов Максим. – Вот так женишься, а жена будет потом молча молчать и придумывать себе несуществующую ерунду или нагнетать там, где можно решить словами. Игорь видит только то, что его вдруг отвергают. Он привык к одному постоянному, а тут, оп-па, слом сценария!

— Потому что боялась, — парировала Алёна. — Боялась быть неудобной.

— Зато ему сегодня «не скучно», — по-черному пошутила я. – Хоть какие-то изменения в браке. Света – молодец, я считаю. Во-первых, она была честна с собой и с ним. Наконец. Во-вторых, не стала извиняться вслух, несмотря на чувство вины. Она ни в чем перед своим мужем не виновата. А в-третьих, она вообще промолчала. Пауза здесь как подкрепление границ. Это хорошие кирпичики в ее новый фундамент личности. Сейчас ей страшно, потом тоже будет страшно. Ей придется сломать внутри себя убеждения, которые на нее навесила мама, подружки, прошлое. Но потом станет проще и легче.

— Как только она поймет, что имеет полное право «не хотеть», — поддержала меня Кошкина Настя. — Границы – это не стены, это самоуважение. А тебя, твои желания будут уважать только тогда, когда ты себя научишься уважать. Вот.

После этих слов раздались аплодисменты. Мы все захлопали в ладоши, демонстрируя факт правильного вывода. С каждым днем, с каждой рассмотренной ситуацией мы все лучше понимали себя, людей и видели все больше возможностей, как сделать свою жизнь лучше. Лично меня это радовало.

Буров смотрел на нас с лёгкой улыбкой, но потом его лицо стало серьёзным.

— Запомните одну вещь, — сказал он. — Границы — это не эгоизм. Это честность. Света впервые была честна с собой и с мужем. И да, ей страшно. Но это правильный страх — страх перед переменами, а не страх перед насилием над собой.

Я посмотрела на экран. Света всё ещё лежала, глядя в потолок. Игорь отвернулся, демонстративно натянув одеяло. Между ними — пропасть молчания.

Но в глазах Светы было что-то новое. Не радость. Не победа. Просто... тихая решимость.

— Как думаете, что будет дальше? — спросила я.

Глеб на секунду задумался, глядя в свой планшет.

— Вижу несколько вероятностей, но одна ярче других. Через три дня они поговорят. По-настоящему. Возможно, впервые за годы брака.

— И? — не выдержала Кошкина.

— И у них есть шанс, — просто ответил Глеб.

Мы все выдохнули. Иногда одно слово «нет» меняет всё. Потому что за ним стоит «да» и любовь к самой себе.

— Следующий кейс через три часа, — объявил Буров. — А сейчас приступайте к работе. Через десять минут в бюро придет новый клиент. Придется с ним повозиться.

Я встала и развела руки в стороны, разминая затекшие мышцы спины. Моя жизнь после того, как я устроилась на работу в бюро стала очень насыщенной. Никогда не думала, что так увлекательно наблюдать за людьми, попутно отмечая моменты, которые можно использовать в собственной жизни. Ведь я тоже совершаю ошибки, чтобы затем их превратить в собственный опыт. Каждая новая история – это как новое приключение, позволяющее увидеть возможности для роста.

Сет 10. Сравнение с сестрой

Выиграть судебный процесс в двадцать восемь лет? Ира просто сияла от счастья и желания поделиться успехом. Теперь-то она точно докажет, что вполне самостоятельна и имеет право на самоопределение как жить, с кем и что делать. Боевой настрой не покидал ее до тех пор, пока она не переступила порог родительского дома. Но как только Ира села за стол, то вдруг почувствовала себя неуверенно. Казалось бы, почему? Рядом только круг самых близких. Мама, папа, сестра Ольга и ее муж, два горячо любимых племянника.

Мама протянула Ольге салатницу с оливье.

— Рассказывай, как Макс и Миша?

— А что рассказывать? Учатся. Макс в этой четверти пятерку по физике наконец получил, а Миша снова отличник.

— Молодцы-молодцы! – довольно похвалила мама мальчишек.

— Все в деда! – тут же добавил отец.

Ира показала «класс», сжав руку в кулак и вытянув вверх большой палец.

Улыбки на лицах племянников выросли до ушей от похвал.

— А ты как, Ирочка? – мама развернулась. – Все также по барам ходишь?

Вроде такие простые вопросы, но в каждом из них подковырка. Снова. Начинается снова. Одно и то же из раза в раз. Осуждение между строк. На лице Оли тут же появилась безмятежная маска, отец хмыкнул в тарелку, выбрав поиск колбасы в оливье вместо попытки вступить за дочь.

— Мам, я вообще-то на работе сижу допоздна. Выиграла сложное дело на этой неделе.

— Ну да, работа, — мать отмахнулась. – А жить-то будешь когда? Вот Оля в твоём возрасте в садик водила детей, есть квартира, семья. А ты все карьеру строишь. Карьера детей не родит. А часики тикают.

За столом повисла пауза. Мать посмотрела на Олю и улыбнулась.

— Тебе скоро тридцать лет. Кто тебя потом замуж возьмет?

Ира замерла. Согласный кивок отца, а затем и неловкий кашель Андрея – мужа Ольги испортили настроение.

— Мам, ну не при всех же... — слащаво вступилась сестра, но в голосе превосходство.

Только племянники что-то галдят, пытаются за столом спорить, не обращая внимание на взрослые разговоры. А внутри... Внутри все горит, в горле ком. «Я успешный юрист! Я САМА купила себе МАШИНУ! САМА! У меня СВОЯ квартира!» — хочется закричать, но в груди застряла обида. Слезы душат, но они контролируемы. Только губы чуть затряслись...

— Ирочка, только ты не обижайся, родная. Я ж переживаю за тебя. Так хочу видеть тебя счастливой!

Ира резко поднялась из-за стола. После таких бесед кусок в горло не ползет. Какие уж там семейные посиделки?

— К сожалению, мне пора! Извините.

— Вот видишь? В воскресенье опять на работу. Так замуж и не выйдешь никогда!

Ира даже не обернулась. Молча вышла из столовой, прошла в прихожую, переобулась и тут же вышла за дверь. По щекам предательски потекли слезы, затряслись руки, на душе кошки скребут так, будто вот-вот сейчас разорвут ее когтями на части.

— Ненавижу... — горько выдохнула Ира, залезая в машину. – В гробу я видела эти семейные ужины! Ну, почему? Почему я для них вечно недостаточно хороша?!

— У-у-у! – не удержался первым от комментария Глеб. – Какая токсичная мать. Зачем она свое убеждение, что счастье – это муж и дети, она пытается вдолбить своим детям?

— И обесценивает все остальное, — поддержала Глеба я. — Вы только посмотрите на этот аят, который разросся над домом!

Я показала на один из экранов, привлекая внимание коллег на огромное темное облако, облепившее дом. Щупальца энергетического спрута обвивали дом так, словно он хотел полностью там поселиться, занять в доме каждый сантиметр пространства.

— Меня в детстве сравнивали с соседским мальчишкой, — вдруг признался Козлов Максим. — Неприятные чувства. Вадим учился лучше меня, меньше дрался, больше дома сидел. В отличие от меня – любителя попутешествовать и поискать на зад приключений. Они пытались сделать меня удобным, сравнениями показать, что я не соответствую их ожиданиям. Но взамен только получали бунты и даже иногда революции.

— Ни за что бы не подумала, — ахнула Настя. — Такая невозмутимость не всегда была твоей чертой?

— Конечно, нет, — улыбнулся Макс. — Все пришло спустя годы опыта и осмысливания.

— Вы отвлеклись, — мягко намекнул Буров, до этого внимательно за всеми наблюдавший.

Впрочем, внимательно наблюдал он всегда. Таким уж был наш начальник.

— Иру искренне жаль, — проговорила Алена, вернув всех к теме дискуссии.

— Чего ее жалеть? – спросила Настя. – Надо было с самого начала сказать: «Мама, стоп! Больше не нужно сравнений! Это неприятно, мне это не нравится». А на любые оправдания или попытки вернуть контроль еще жестче добавить: «Если это повторится – я уйду. Я серьезно. Люблю вас, но моя жизнь – это мой выбор. Не можете его принять – лучше нам видеться меньше». Да тяжело, да будто отрываешься от семьи, но, на самом деле, отрываешься от семейной токсичности.

— Родители должны понять, что Ира — взрослый человек, что с ней так обращаться нельзя. Что у нее есть границы.

Я вспомнила много случаев из нашей практики, в бюро приходили люди, мы разбирали кейсы в «Замочной скважине», но проблема всегда повторялась: люди плохо видят свои и чужие границы и часто допускают ошибки. А ошибки приводят к травмам, боли, недопониманию. В общем, к неприятным последствиям.

— Что повлияло на Иру? Перечислите мне ее триггеры, — Буров продолжил занятие.

— «Все по барам ходишь», как будто Ира гуляющая и вообще не работает. «Вот Оля уже...», будто старшая дочь образец, а младшая неудачница, еще и делает это публично, — подхватила я. — В присутствии третьих лиц критиковать неэтично. Особенно прикрываясь заботой.

— А на самом деле? – уточнил Буров.

— На самом деле, это токсичный контроль.

— А этот укор возрастом? А это запугивание, что Ира не нужна никому? Разве женщина — это товар с истекающим сроком годности? Что это вообще такое? – возмутилась Настя. — Превратили ее этим в глупышку, обесценив ее выбор, карьеру.

— Итак, какие у нее были ошибки?

— Ире не нужно было оправдываться, — ответила Алена. — Любые ее аргументы у токсичных людей вызовут отторжение и будут всегда обесценены. Не поставила границы, не прекратила разговор до того, как он превратился в экзекуцию на семейном ковре. Все они теперь продолжают думать, что с ней так поступать можно и нужно.

— Она пришла не в то общество, где по достоинству ее могли оценить. Надежда умирает последней? – хмыкнул Глеб. — А в результате испорченное настроение. И чуть позже Ира снова вернется. История повторится опять.

— Какой-то Уроборос, — грустно произнесла я. — Или «День сурка».

— Вы еще не поняли? — Буров улыбнулся так, будто мы неразумные дети. — Что этот «Уроборос» в этом мире явление естественное и закономерное, пока люди не научатся думать, делать выводы и запоминать. А что же мать? Почему она так себя ведет, кто-то знает?

— Если позволите, я воспользуюсь своей чудо-программой...

Глеб тряхнул рыжими вихрами и тут же открыл планшет.

— Вышла замуж рано, родила детей. Ее путь – единственной правильный. А другой путь поставит под сомнение правоту ее личного выбора. Понимаете? Она боится подумать, что ее жизнь могла сложиться иначе. Плюс общественное мнение «А что люди скажут», стереотипное мышление, конкуренция через детей, желание их контролировать, управлять их жизнями, манипулировать. Бррр...

— У нее нет эмпатии, вот! – вставила реплику я. – Не спросила у Иры: «Ты счастлива?» Ей неинтересно, что чувствует дочь. А Оля? Не враг, но и не союзник.

— Ольге выгодно быть самой лучшей. Сидит на пьедестале, а на самом деле, — Настя Кошкина показала на правый экран, — видите там по низу все идет темно-серым? Это база. Базовая неуверенность и апатия. Она просто погрязла в рутине и выбраться не может никак. Главное, что живет девочка правильно, как ей мама сказала.

Все замолчали. Каждый из нас обдумывал ситуацию. На лицах коллег я не видела радости. Кажется, сегодняшний кейс показался мне одним из грустных в программе. Между сестрами связи нет. Если Ира не остановится, не поймет, не изменит все в жизни, ее самооценка будет рушиться дальше, усилится чувство вины. Повезет, если не начнется депрессия, но ничего хорошего не будет, если она выйдет замуж не по любви, а за «первого встречного» лишь бы «заткнуть» свою мать. Родятся дети, и нет никаких гарантий, что Ира не скопирует мать.

А можно, чтобы было иначе.

— Глеб, — попросила я, — покажи нам альтернативу. Что было бы, если бы Ира поставила границы?

Глеб кивнул и запустил программу. Экран замерцал, показывая размытые силуэты — вероятность, не реальность. Та же сцена. Тот же вопрос матери:

— А ты всё по барам ходишь?

Но Ира теперь не сжимается. Она спокойно смотрит матери в глаза.

— Мам, давай договоримся, — уверенно произносит. — Я уважаю твой выбор — семью, детей. Благодарна тебе за заботу. Но мой путь другой. И я прошу уважать его. Без сравнений, без упрёков. Иначе мы будем видеться реже.

Пауза.

Ошарашенная мать открывает рот, но Ира продолжает:

— Я люблю вас. Но моя жизнь — моя ответственность. Если не можете принять это, давайте просто не будем обсуждать мою личную жизнь. Договорились?

Твердый, непреклонный взгляд в лицо матери, и она отводит глаза. Сказать нечего. Отец поднимает глаза от тарелки, с интересом смотрит на дочь. Вилка Ольги на полпути замирает в воздухе и возвращается обратно в тарелку.

А Ира... Она улыбается с достоинством. Спокойно. Уверенно.

Экран с графиками эмоций Иры горит ярко-синим и голубым, показывая нам ее самоуважение и достоинство. Она ничего не боится. Это значит, что она найдет людей, которые ее оценят по достоинству и примут такой, как есть.

— Вот это класс! Вот жаль, что так не в реальности, — выдохнула Настя. — Вот бы все так могли.

— Могут, — ответил Буров. — Для этого надо лишь чуть-чуть поработать на собой, над своим выбором, пройти через какие-то трудности. Это выбор. Все как обычно. Сколько каж-

дому человеку нужно съесть боли, чтобы выбраться? Вопрос риторический. Глеб, продолжаем занятие.

Сет 11. Ты толстая, но я люблю тебя такой

Уютный диван, только что курьер доставил свежую пищу. Начался новый фильм, и вечер обещал быть уютным в объятиях любимого. Леся устроилась с ногами на диване и с восхищением посмотрела на Антона. Только представить, что ровно полгода назад, она, наконец, встретила свое настоящее счастье. Они созданы друг для друга — это подтверждается каждый день, каждый час. Как хорошо быть собой, обычной, без макияжа и чувствовать, что тебя принимают такой, какая ты есть!

Леся с удовольствием достала кусочек пепперони из коробки. Ох, какой аппетитный. Антон смотрел на нее и улыбался.

— Знаешь, что мне в тебе нравится?

Леся улыбнулась в ответ. Внутри раскрывались лепестки предвкушения от будущего комплимента.

— Ты толстая, но я люблю тебя такой. Не всем же нравятся худышки.

Антон начал гладить ее по животу. Его взгляд был внимательным, пристальным. Он чего-то ждал, но Леся не видела. Она не поняла. Она вообще ничего не поняла, только замерла, как застывшая от ледяного мороза тростиночка. Кусок пепперони мелко задрожал в руке, внутри словно натянулась струна.

«Он... назвал меня толстой?»

«Но это же... комплимент?»

«Он сказал же, что любит» ...

Хаотичные обрывки мыслей, как попавшие птицы в силках.

А на лице лишь улыбка. Неловкая, виноватая, неуверенная.

Леся положила пиццу в коробку.

— Спасибо, — вылетело автоматически, как благодарность за комплимент.

Голос вот чуть-чуть задрожал, но Антон не заметил, увлеченный сюжетом фильма, что вот уже минут пятнадцать был на экране.

Леся смотрела на мелькающие картинки перед собой, а в голове роем мысли: «Я правда толстая? Но утром же на весах 67, нормальный ИМТ при росте 168. Может, 67 — это много? Может, размер М — это много? Может, нужно мне похудеть?»

Она скользнула взглядом по телу. Бедра, руки, живот — всё вдруг показалось огромным, бесформенным.

«Не всем же нравятся худые... Значит, я из толстых? Но он же меня любит, так?»

Леся ушла в ванную комнату, там разделась. Долго изучала себя перед зеркалом, сжимая живот в одну складку. Слезы текли по щекам, оставляя влажные полосы.

Вернувшись в зал, Леся села на диван.

— Чего так долго? — спросил довольный Антон. — Пицца совсем остыла.

— Не хочу. Я наелась, — сухо ответила она.

— Тогда мне больше останется, — ухмыльнулся он.

Леся открыла браузер и набрала в поисковике:

«Как быстро похудеть? Скинуть за месяц 10 килограммов».

Ей захотелось, вот очень захотелось доказать ему, что она может быть стройнее и лучше.

Я смотрела на Лесю с чувством невыразимой потери. Всякий раз, когда мы открывали сюжет в нашей новой программе, я надеялась, что вот в этот раз обязательно встретится кто-то, кто покажет нам высший класс любви к себе и уважения, сможет обозначить границы. Но, нет... Каждый кейс как под копирку. То ли Буров специально выбирал нам героев, то ли мир был сломан и нуждался в скорейшем ремонте.

— Как же он великодушно ее оскорбил, — зло произнесла. — Так бить по самооценке и тут же подчеркивать, что любит ее, несмотря на «недостаток». «Ты ущербна, но я снисходителен», — так это все понимать?

— Ядовитый комплимент, это точно, — подтвердила Алена. — А все почему? Женщинам часто внушается: «Толстая – непривлекательная». Вот и Леся попала на удочку этого гнусного убеждения.

— Разделил женщин на категории, выделил ее «не для всех». Вроде как большинству нравятся худые, а все остальное второй сорт. Еще и по животу ее гладил, акцентируя на области, где ему больше «нравится», — возмутилась Настя. — Теперь она будет постоянно думать о своем животе, мучиться. На пустом месте создал ей травму. Да еще и в момент еды. Ну, не свинья ли этот придурок? Свинья! Тут до РПП* недалеко. (авт. *расстройство пищевого поведения).

— Настя! Как можно?! – с нарочитой эмоциональностью включился Буров. – Что за экспрессия?

— А как по-другому? Сколько таких ситуаций и им подобных? – не поддалась Настя на провокацию. – Почему эти несчастные девочки не понимают, что их сила в достоинстве?

— Еще и «спасибо» сказала, — сокрушенно покачал головой Глеб.

— Это не из благодарности, — фыркнула Настя. — Слишком «комплимент» неожиданный.

— А что она должна была сделать? — Буров продолжил опрос.

— Для начала спросить его прямо: «Это комплимент или оскорбление? Зачем ты так сказал?» Заставить его объясниться. И потом? Разве он истина в последней инстанции? Как же быстро она потеряла внутреннюю опору, что все с ней хорошо. Еще начала себя ограничивать. Сама себя наказала.

— Он ей втерся в доверие, — сказал Михаил. — Все началось примерно полгода назад. «Мы одно целое, у нас с тобой взаимопонимание, мы с тобой две половинки». Ей бы насторожиться, с чего вдруг незнакомый человек настолько с ней совпадает. Но девушки хотят верить в любовь с первого взгляда, а получают в подарок токсичность. Не хотите разобраться, почему он так поступает?

Мои коллеги говорили все правильно. Любой неуверенный в себе человек будет стремиться искать оценку на стороне и реагировать на любой комментарий. «Ты – красавица», — качели летят вверх, «Ты – уродина», — падение в глубокую яму.

— Боится ее потерять, — сказала я. — Чем чаще она думает, что никому не понравится, тем больше шансов, что будет терпеть то, что он из себя представляет.

— Лучше быть одной, чем с кем попало! – выдала Ирина внезапно.

Наша бухгалтер зашла в кабинет во время просмотра программы, и теперь с любопытством прислушивалась к нашей дискуссии.

— Так зависимость и появляется. Протестировал ее границы, она ему улыбнулась. В следующий раз будет хуже. У Шурзиной Алии тоже все так начиналось, а к чему привело?

Я напомнила всем об истории, когда молодая и красивая женщина чуть не убила себя вместе со своими детьми. Виновником был ее муж – токсичный и злой абьюзер. Каждый в нашем бюро помнил, как мы старались развернуть ее ветку судьбы...

— А может он сам комплексует? Сам недоволен собой, а унижая подругу, он чувствует над ней власть. Он может управлять ее настроением, чувствами. Еще его может раздражать ее уверенность в себе.

— А может это просто бестактность? – уточнил Буров. — Что вы спускаете на парня всех собак?

Мы все на минуту задумались.

— Может, просто бестактность, но... Это его не оправдывает. И вообще, он потом так улыбался и был очень доволен. Ему понравилось, что он смог испортить ей настроение. Так что, нет! Он это сделал специально.

— Я бы потребовала извинений! – Ирина подняла подбородок. – А если не извинится, значит, пусть идет на все четыре стороны. И пусть идет туда же, если все повторится! Еще будет кто-то указывать, худеть мне или толстеть!

— Bravo, Ирина! – Буров ее похвалил. – Что мне в тебе всегда нравилось – это твоя воинственность и уверенность в собственной неотразимости.

Ирина Мелких тут же вся расцвела. Compliment от начальства, да еще в вопросах, не относящихся к профессиональным обязанностям, ей очень понравился. Следовало ожидать. Интересно, что будет дальше? Ирина снова себе придумает сказку про любовь с шефом и начнет разводиться, как это было раньше, или уроки усвоены? Я улыбнулась, вспомнив ее историю. Что же. Мы понаблюдаем.

— Самое страшное не то, что он назвал ее толстой, — в заключение сказал наш начальник. — Самое страшное, что она в это поверила. Еще и поблагодарила за «пулю» в свою самооценку. А дальше, что? Булимия? Анорексия? Вес 55 килограмм? И новые оскорбления. Потом скажет, что грудь у нее маленькая или нос кривоват. Это игра без конца, пока в нее играет жертва. Тело не определяет ценность человека. Фраза Антона – это про власть и желание ее контролировать. Любви там и близко нет. Уничтожить уверенность, привязать к себе через неуверенность, чтобы наверняка не сбежала. А как превратится в тряпку, выкинет и заменит на свежую.

Буров говорил правду. Жесткую и неприятную. Но только через честность можно все осознать.

Жаль, что в «Замочной скважине» мы не имели права вмешиваться в судьбы других людей. Если бы я могла, то Лесе тогда бы сказала: «Ты достойна человека, который скажет: «Ты прекрасна» И всё. Без «но», без условий, без яда. Поставь границы Антону, чтобы больше никаких комментариев, или ищи другого. Того, кто будет тебя уважать. Люби себя больше, выбирай себя. Только так».

Я смотрела на экран, на котором фоном разворачивалось действие. Глеб зачем-то его запустил.

Леся сидела в мобильном, изучая диеты. На лице — решимость. В глазах — слёзы. Антон ел пиццу и смотрел фильм. Довольный. Сытый. Победивший.

График его эмоций светился ядовито-оранжевым, так выглядели самодовольство и власть. А у Леси он был грязно-синим и кое-где чёрными пятнами — стыд, ненависть к себе, страх.

— Она поверила ему больше, чем себе, — тихо сказала Алёна.

— Да, — согласился с ней Буров. — И это ее самая большая ошибка. Люди отдают власть первому встречному их оценивать. А потом страдают. На сегодня всё.

Пока расходились коллеги, обсуждали рабочие моменты с шефом, я подошла к панорамному окну. Захотелось. Смотрела далеко вниз, туда, где копошились мелкие фигурки, ездили машины, похожие на игрушки. Мир жил своей жизнью, где-то в надпространстве вокруг пульсировали и набирались человеческой энергией аяты. Я чувствовала их присутствие и как никогда понимала, откуда они берут свою силу. Там, где бушует токсичность, они никогда не исчезнут.

— Знаешь, почему мне нравится этот мир? – неожиданно раздался голос Бурова рядом.

Михаил встал возле меня, заложив руки за спину. Он смотрел вниз, на улицу, туда же, куда только что смотрела я.

— Он красивый, не правда ли?

— Да. Но это не главное, — ответил Буров. — Несмотря ни на что мне нравятся люди. Они слабы, инертны, ленивы. Как факт. Но эти же люди способны учиться и вновь поверить в себя. Если этого по-настоящему захотят.

— Алия Шурзина ведь смогла?

— Именно. И не только она. Поверь, таких людей много.

— Почему все сеты такие... печальные? И мы ничего сделать не можем... — спросила я и добавила: — Вопрос риторический.

— Тяжело в учении, легко в бою, — тепло улыбнулся Буров. — Иначе зачем это всё?

Пожалуй, да. Кивнула, с ним соглашаясь.

— Михаил, — пользуясь моментом, я все же решила спросить о том, что мучило меня почти сутки. — А параллельные миры существуют?

— Вселенная безгранична. Пространство вариантов огромно.

— И наши двойники тоже в этих мирах существуют?

— Полагаю, что да. А почему ты об этом спрашиваешь? — Буров спросил и прищурился. — Есть основания для вопросов?

— Пока не могу ответить, — сказала я, — не готова. Просто... Если предположить, что вместо надпространства ты попадешь в другой мир. Не физически. А сознанием. Это опасно? Чисто гипотетически? Можно ли потеряться, заблудиться, не вернуться?

— Спонтанные прыжки по Вселенной? — Буров широко улыбнулся. — В теории ничего нельзя исключать.

Ответ начальника мне не понравился. Только этого мне не хватало! Внутри всё похолодело от страха, но желания откровенничать с шефом у меня вообще не прибавилось.

— А контролировать это можно хоть как-то?

— А как ты контролируешь себя, если оказываешься в надпространстве? И чем надпространство нашей реальности отличается от надпространства в других?

Я вздохнула. Якорь. Конечно же. Ну хоть что-то для начала.

— Спасибо, — поблагодарила шефа. — Мне надо идти. У нас с Настей в планах выезд к клиентке.

— Идите.

Буров улыбнулся так хитро, будто знал намного больше, чем рассказал. Но он не вмешивался, оставляя мне выбор, и за это я была благодарна.

Сет 12. Встреча с его бывшей

Лиза была счастлива. Она отпила глоток горячего чая и аккуратно поставила чашку на стол. Дима смотрел на нее с интересом, как и четыре месяца назад. Нет, за это время он влюбился в нее еще сильнее. А все началось именно в этом кафе, именно за этим столом. Неделю назад он познакомил ее со своими друзьями, и она всем очень понравилась. Столько комплиментов, кажется, она в жизни не слышала!

Чудесный день, буйная июньская зелень и пение птиц за окном. Ничто не должно было омрачить их свидание, но неожиданно лицо Димы изменилось. Он отпустил ее руку, собрался, нахмурился.

Лиза повернулась, следуя за взглядом любимого, и увидела в дверях высокую блондинку. Прямые платиновые волосы ниже плеч, облегающее летнее платье, туфли на высоком каблуке, подчеркивающие тонкие лодыжки.

— Что-то не так? – спросила Лиза, глядя на то, как Дима пристально смотрит поверх ее плеча.

— Нет-нет, все нормально.

Голос любимого прозвучал напряженно и сухо. Лиза бросила взгляд назад и увидела, как незнакомая блондинка идет уверенной походкой напрямик к ним.

— Дима?! Ты?! Какая встреча!

Дима резко поднялся, так стремительно, что из-под ног вылетел стул и упал с грохотом на пол. На лице смесь радости, страха. Лиза никогда не видела столько эмоций на лице своего парня.

— Вика! Ого, сколько лет! Привет!

— Да уже пять лет! Как ты? Чем занимаешься?

— Все отлично! Живу, работаю. А ты? Ты прекрасно выглядишь!

Лиза слушала оживленную беседу и натянуто улыбалась. Ее немного смущала эта самоуверенная блондинка из прошлого Димы, его неуверенность и где-то даже заискивание в его интонациях. Лиза отгоняла от себя эти мысли. Ничего он не заискивает, просто у него с этой дамой много связано было. Видно, бурное прошлое. Но теперь все не так. Теперь Она — его настоящее.

Вика вдруг внимательно посмотрела на Лизу, будто только что ее заметила.

— А это? – с вопросом обратилась к Диме.

— А, это Лиза. Моя... подруга.

— Приятно, Лиза! Я – Вика, мы с Димой давно знакомы. Но ты это уже поняла.

Лиза замерла. В груди разлилось что-то неприятное, жгучее. Вспышкой растеклась обида, стало на мгновение невыносимо больно. Как будто Дима только что вычеркнул ее из жизни одним словом. Подруга? Просто подруга? Мы четыре месяца встречаемся, спим вместе, а я для него просто подруга?

— Дим, давай как-нибудь встретимся?! Вспомним старое

— Да, конечно! Давай номерами поменяемся. Я же ту мобилу с фотками потерял. Кажется, случайно утопил в бассейне.

— Да ты просто кладезь приключений! Интересно послушать!

Лиза смотрела, как Дима и Вика обмениваются контактами, что-то говорят друг другу, смеются. Как статист в чужой сцене, массовка, до которой нет никому дела. Никому. Даже ее любимому парню.

— Мне пора, Дима! Было приятно поболтать! – Вика наконец решила прощаться. Бросила небрежно: – И тебе тоже, Лиза, всего хорошего.

Она ушла, расправив плечи, плавно покачивая бедрами. Дима провожал ее взглядом, а в нем сквозили ностальгия, тоска. Лизе хотелось вскочить с места, сбежать, но руки и ноги не слушались, стали ватными. Не хотелось все бросить вот так, не услышать то, что он должен был сказать.

Дима бросил на нее взгляд, на меню, до сих пор лежавшее перед ним на столе.

— Так, а что мы заказывали? – спросил, как ни в чем не бывало.

Будто только что ничего не произошло, не было никакой встречи из прошлого, не было унижения.

— Дим... Это кто была?

— А, Вика. Просто знакомая. Мы не виделись давно.

— Просто знакомая?

— Ну да. Какая тебе разница? Давай просто поедим. Я ужасно голоден. Просто капец как!

Просто знакомая... Лиза чувствовала, что Дима соврал. Он смотрел на нее как голодный волк смотрел бы на Красную Шапочку. Не говоря уже о том, что он представил ее перед Викой подругой. То есть четыре месяца встреч, интимной близости ничего не решают? Не похожа эта Вика на просто знакомую. Она похожа на бывшую, которую до сих пор забыть не могут. Вот что.

Предательски защипало глаза, готовые выдать порцию слез. Лиза сдерживалась как могла. Взял ее номер, ничего о ней не рассказал. Чтобы не разреветься при Диме, Лиза резко поднялась с места.

— Расхотелось есть. Пойду домой.

— Что случилось? Ты из-за Вики что ли?

— Голова разболелась.

— Ты слишком чувствительная... Ладно, иди. Созвонимся.

Лиза пошла к выходу и на пороге оглянулась. Не выдержала, решила на него посмотреть. Где-то внутри теплилась надежда, что он смотрит ей вслед, а еще лучше уже бежит за ней, чтобы проводить, поддержать, объяснить.

Но... Дима сидел с мобильным в руках и что-то там быстро печатал. Кому-то. Слезы выступили из глаз, когда Лиза переступила порог кафе.

— Приятно познакомиться. Я подруга. «Просто фон», — прошептала она. — Наверное, так теперь надо представляться всем в будущем, когда мы будем с кем-то знакомиться.

Картинки на экранах остановились, будто поставленные на паузу. Но все мы знали, что жизнь продолжается. Лиза идет по дороге и наверняка плачет, пока ее любимый мужчина пишет бывшей восторженные письма в соцсеть.

— Что она сказала? – ахнула Алена. – Что она сказала в конце, я не расслышала...

— «Приятно познакомиться. Я подруга. Фон. Наверное, так теперь надо представляться всем в будущем, когда мы будем с кем-то знакомиться», — громко повторила я. – Она не собирается с ним расставаться после того, как он публично ее обесценил... Он солгал обеим, по факту. И показал, что Лиза ему не настолько важна, чтобы представлять ее своей девушкой. Он не видит с ней будущего, это как минимум.

— Не так она должна была себя вести. Ой не так, — сокрушалась Петровиченко.

У Алены было расстроенное лицо. Как сильнейший эмпат она лучше всех нас чувствовала переживания нашей сегодняшней героини. И эмоциональный абьюз прошелся не только по девушке с экранов программы, но и по ней.

Гораздо проще понимать эмоции менталам, они их просто видят в процентах, еще проще понимать эмоции наших «гостей» на экранах, где как обычно играют цветные графики и диаграммы.

— А как? – уточнил Буров у нее. – Как Лиза должна была себя вести?

— Для начала самой представиться. Взять инициативу в свои руки, например, — предложи Настя. — Сказать Вике, что она девушка Димы. Обозначить статус. Либо после ухода Вики спросить Диму в лоб: почему он назвал ее подругой, а не девушкой. Потребовать честности.

— Допустим, Дима растерялся. Такое тоже бывает. Был рад видеть прошлую пассию. Но, как по мне, — произнесла я, — если мужчина показывает, что я запасной вариант, а не главная женщина в его жизни, то это не мой мужчина. Каким бы он ни был потом оправдывающимся и замечательным. То, что мы видели, сплошные красные флаги. Где там уважение и любовь? Где в отношениях честность?

— Лиза боится одиночества, неуверенна в себе. Отсюда основные проблемы. Чувствует, что не заслужила отношений, готова терпеть то, что дают.

— В этом-то и проблема. Сегодня она вытерпит такую встречу, а завтра он позовет ее на собственную свадьбу, где женится на другой.

Увы, но каждый из нас был по-своему прав. Дима обесценил связь с Лизой, буквально отправив посыл, что она не заслужила называться его девушкой, демонстративно показал, что Вика важнее. Он даже не осознавал и не видел со стороны, как изменился его голос, как загорелись глаза. Он просто стал другим человеком. Нагло обменялся номерами телефонов, ничего не объяснил. Солгал, что Вика просто знакомая.

— Однозначно, это бывшая Димы. Он ее еще не отпустил. Наверное, Вика его бросила в прошлом, но, как выяснилось, до сих пор его привлекает. «Подруга» — это меньше обязательств, типа не серьезная связь. Проверка, доступна ли Вика. А самое главное, он даже не подумал, как себя чувствует Лиза.

— А если и подумал, то ему все равно. Иначе бы так себя он не вел.

— Знаете, что я вам скажу? — неожиданно подал голос Глеб, сидевший до этого в углу на диване. Он как обычно возился в планшете, слушая нашу дискуссию.

— Говори уже, не тяни! — чуть ли не хором произнесли все мы, кроме Бурова. Только лишь шеф ухмыльнулся. Впрочем неудивительно. Я прекрасно знала, что Михаил знал многое наперед, практически читал наши мысли, предвосхищая наши шаги.

— Наша Лизонька сейчас стоит на перекрестке судьбы. Та самая узловая точка. У нее будет выбор. И три варианта развития всех событий. Угадать не хотите, какие?

— Я попробую, — сказала Настя. — Она останется с Димой, а он ее через месяц обрадует, что уходит к бывшей. Так?

— Бинго! Ты угадала. Но есть еще и второй вариант.

— Треугольник? Дима встречается с обеими и наслаждается соперничеством за него, такого неотразимого?

— Ага. И третий вариант?

— Легче легкого, — снова Настя. — Она ставит границу и уходит.

— И каковы сейчас вероятности? — спросил Буров. — К какому из трех вариантов склоняется наша красавица?

Глеб внимательно рассматривал что-то в планшете.

— К первому. С вероятностью 67% она останется с Димой. Будет терпеть, надеяться, что всё наладится. А через месяц он уйдет к Вике.

— А остальные 33%? — спросила я.

— 28% — на второй вариант. Треугольник. Дима будет встречаться с обеими, наслаждаясь соперничеством за него. И только 5% — на то, что Лиза уйдет сама. Сейчас.

— Пять процентов, — прошептала Алёна. — Так мало...

Я смотрела на экран. Картинки снова задвигались, время потекло быстрее, мы будто наверстывали прошлое, чтобы увидеть будущее.

Лиза шла по улице, вытирая слёзы, Дима сидел в кафе с улыбкой на лице, что-то строил в телефоне. График его эмоций полыхал ярко-оранжевым и красным — азарт охотника,

предвкушение победы. А у Лизы все окрасилось тёмно-синим и серым. Девушка испытывала не только боль, но и стыд, неуверенность.

— Он даже не побежал за ней, — зло сказала Настя. — Зачем он нужен такой?

— Зачем ему за ней бегать? — ответил Буров. — Он знает, что она вернётся. Потому что Лиза боится остаться одна гораздо больше, чем боится унижения. Она думает, что никому не будет нужна, а Дима — это ее настоящее счастье.

Мне стало физически плохо от слов Бурова. Сколько таких Лиз? Сколько таких девочек, которые не верят в себя? Почему они не выбирают себя? Да, сначала будет тяжело, придется многое понять в себе, разобраться, прежде чем придет понимание, что никто нас не сможет полюбить по-настоящему, пока мы себя не полюбим.

— А если бы она выбрала третий вариант? — спросила я. — Если бы ушла?

— Можно попробовать посмотреть его, если уж очень хотите.

Экраны замерцали, снова появилась картинка. Размытая, потому что она показывала лишь вероятность. Лиза встретила с Димой. Он сам к ней пришел через неделю, когда понял, что она не ищет встреч.

— Как у тебя дела? — спрашивает Дима. — Куда ты пропала? Могла бы и позвонить.

— А зачем? — с легкой усмешкой парирует Лиза. — Я была твоей девушкой. До той встречи с Викой. А потом я стала подругой. И никаких обязательств.

— Ты обиделась? Приревновала меня?

— Думай, как знаешь. А сейчас, — Лиза бросила короткий взгляд на часы, — мне пора. Я записалась на курсы английского. Решила, что мне не мешает подтянуть грамматику.

«А заодно о тебе меньше думать, пока я тебя забываю».

— Увидимся как-нибудь.

— Ты меня бросаешь?

— Это вопрос риторический, — спокойно ответила Лиза и расправила плечи.

График эмоций Лизы стремительно менял цвета. Чистые оттенки синего и голубого — спокойствие и достоинство, перемежались желтым и красным — вдохновение и планы на будущее.

— Вот так мне очень нравится, — выдохнула Кошкина. — Жаль, что всего пять процентов.

— Шанс все равно есть, — произнес Буров с улыбкой, — если немного вмешаться.

— Но мы не вмешиваемся. Мы же только наблюдаем?

— Но купон со скидкой курсов английского можно ей отправить на почтовый ящик? Тем более, она давно хотела. Кто готов это сделать?

Я не верила своим ушам. Буров сам, САМ, предлагал вмешаться. Пусть косвенно, ненавязчиво, но он явно решил дать шанс этой девочке. И, конечно же, я непустила момент. Пока шеф добрый, надо «ковать железо». Буров хочет дать ей выбор в выборе, инструмент. Если Лиза ухватится за этот посыл, этот ненавязчивый знак, похожий на легкое дуновение ветерка в жаркий день, значит, ее жизнь скоро изменится.

— Где-е-еб, — протянула я. — Дашь мне ее мэйл?

— А у меня есть шанс отказаться?

Шансов у Репнина не было.

Сет 13. Я спасу его

Оля решила, что хватит! Сегодня она встретится с подругами и хорошо проведет время в кафе. Хотелось вкусной еды, потанцевать. Пятница, конец рабочей недели, впереди два дня выходных.

Она стояла возле зеркала и подкрашивала ресницы, когда мобильный подпрыгнул на столе.

— О-у — выдохнули ей в телефон, — ля-я, при-у-ет.

— Андрей?

— Забери м-ня. Ошен, пжалста.

— Ты где?

— Там ж.

Там же... Андрей снова пьяный в «Арбарсе». В груди полыхнула обида от понимания, что сегодняшней вечер снова безнадежно испорчен. Через полчаса ее ждут в кафе девчонки, но вместо этого ей придется забирать мужика.

«Любимого...»

Ироничная мысль вспыхнула искрой и тут же погасла под гнетом вины. «Он не монстр. Просто слабый человек. А ты что, не можешь помочь? Есть же машина, пробки в городе спали. Успеешь к подружкам попозже».

Оля бросила в сумку влажные салфетки, накинула на плечи пальто и выскочила из квартиры. Спустя полчаса она тащила на себе пьяного в стельку мужчину, стараясь не смотреть на молоденькую официантку, провожавшую их пару взглядом. Понимающим, жалеющим ее. Поэтому неприятным.

— Рад-дная! – радостно дышал ей перегаром в ухо Андрей. – Обещ-щаю. Последний рраз! Последний! Вот пос-смотришь. Ты моя ненагляд...

А потом что-то невнятное.

В машине Андрей заснул мгновенно. Просто повис на ремне безопасности и залиvisto захрапел.

— Каждый месяц одно и то же. Каждый месяц. Сколько можно, а? – тихо спрашивала Ольга спящего человека, но ему было все равно.

Мобильный разорвался в сумке любимой мелодией. Ольга достала его, посмотрела на входящий вызов. Альбинка.

— Оль, ну ты что? Тебя ждать сегодня? С тобой все хорошо?

Ольга всхлипнула, пальцы задрожали так, что телефон чуть не выпал.

— Нет. «Не ждать», — натянуто сказала она. – Нет. У меня все не нормально.

А потом сбросила вызов.

— У-у-у, на этот раз созависимость, — произнес Глеб, оторвавшись от своего любимого планшета.

Он поправил рыжий вихор и продолжил:

— Моя мама так папу спасала. Спасала, спасала, а потом очнулась и поняла, что потеряла с ним пятнадцать лет своей жизни.

— Твой отец так и бросил пить? – поинтересовалась я.

— Нет. До сих пор пьет. Но, к счастью, от нас отстал. Нашел себе другую компанию.

— Сожалею.

— Грустно, да. Но он сам выбрал свой путь. Кто его заставляет?

— А мама?

— Мама сейчас хорошо. Многое поняла. Встретаться начала с кем-то. Алкоголь на дух не переносит.

— Так она испортит все отношения со своим мужчиной, если он иногда любит выпить.

— Не. Мужчина у нее понимающий. Да и она не мешает ему. Но я думаю, она осторожна. При первых признаках пьянства отправит его на все четыре стороны, — засмеялся Глеб. — Травма!

— Очень смешно, — в ответ на смех сказала Настя. — Но это лучше, чем постоянно спасать того, кто спастись не хочет.

— А вы не думали, что своим поведением Ольга только подогревает его срывы? — с усмешкой уточнил у нас Михаил.

Начальник, как всегда, вступил в дискуссию в самый нужный момент.

— Был у меня такой эпизод, — заговорила Настя. — Мой ненаглядный братец, увы, болен. Он алкоголик. Я помогла ему один раз, другой, а потом поняла, что это происходит тогда, когда Егорке хочется внимания и жалости. Ему было пофиг на мои чувства, на мою боль, несмотря на наши разговоры. Обещания он не сдерживал. Лечиться не хотел. Как же мне надоело! Я не жила. Я обслуживала его эгоизм. Вот. Смотрела на Ольгу сейчас и вспоминала себя...

Настя замолчала. Ее лицо изменилось. Она нахмурилась, глядя на стол в одну точку. Наступила пауза, которую никто не прерывал.

Я же смотрела на экран с замершей картинкой. Я видела машину, в ней людей, а потом выскочила в надпространство. Когда ты попадаешь туда, все границы исчезают мгновенно. Время, расстояние — все перестает существовать или существует по твоему желанию. Буров говорил, что так работает энергетическое поле Земли, совмещающее в себе астральное, ментальное и кармическое измерения и, наверное, еще много чего, о чем мы, люди, не имеем представления вследствие своей ограниченности. Первое, что я увидела, — это над машиной аят. Темно-серый сгусток, как настоящий дымный змей, касался головы и груди и дрожал. Явно причмокивал от удовольствия, поедая чувства и эмоции наших героев. Чавканья не было слышно, но с воображением мне повезло.

Хлопок где-то рядом выбросил меня снова в офис. Я быстренько огляделась. Все сидели на местах, только вот Буров прищурился. Понятно, кто вытащил меня из надпространства. Все-таки, идет занятие, а я летаю непонятно в каких облаках.

— И как же ты решила проблему? — спросил Буров Настю.

— Это было очень тяжело, — призналась Кошкина и глубоко вздохнула. — Я его предупредила, что больше его не спасаю. И, конечно, мне назло, он опять забухал. Я ревела, сидела дома, прощалась с ним мысленно. Мог же допиться до чертиков? Умереть. Но я не стала бы себя винить, понимаете? Я тогда так решила.

Она обвела нас взглядом. Мы все сидели молча, как мышки, и внимательно ее слушали. И понимали. О каком чувстве вины идет речь? Ты или живешь жизнью пьяницы, или живешь своей жизнью. Это выбор между собой и человеком, для которого ты лишь средство играть в его игры.

— А дальше?

— Дальше... Я скинула ему ссылку на клинику. Сделала в чате закреп. Сказала, что туда он должен поехать, чтобы не сдохнуть. Злая была тогда. На него. На себя, что решила не вмешиваться. Иногда спрашивала, требуется ли ему помощь. Без рассуждений, реакций. Нет? Значит, нет. Уходила.

— И?

— Он поехал. Потом. Когда понял, что я не приеду. Его пролечили. Потом он забухал еще раз. И снова не получилось. А так как у него больше нет никого, с кем можно в такие игры играть, то позже вообще закодировался.

— Думаешь, Ольга придет к тем же выводам? – недоверчиво спросил Макс.

— Не знаю. Он ей даже не муж, а она его тащит. Он ей не брат. Он никто. Просто больной человек, который не хочет лечиться.

— Ты не думаешь, что Ольга боится? — Петровиченко Алена попыталась найти оправдания. — Она будет думать, что она плохая, что бросила человека?

— Ну какая плохая? Она всего лишь сама человек! Его болезнь не ее ответственность. Это выбор Андрея. Как поймет, пойдет лечиться. Не поймет, значит, умрет или еще как-нибудь пострадает.

— Но Андрей не всегда же пьяный?

— И что? Это цепляние за образ. Где у него к Ольге уважение и любовь, если он не хочет к ней прислушиваться, не видит ее страданий? Она его обслуживает и его проблемы. А ему это нравится.

Настя завелась. И одно я видела, что Глеб хорошо ее понимал. Он кивал в такт ее словам и улыбался.

— Спасатели думают, что помогают, — заговорил Михаил, — но фактически оказывают медвежью услугу. С их помощью больной не видит дна. Дно может быть разным. Это да. Но пока дно не будет нащупано – никто не сможет всплыть. Кто-то утонет. Естественный отбор. Кто-то выберется. Но пока спасатель подкладывает подушки тому, кому на это плевать, он продлевает агонию. Себе. Пьющему. Никто не взрослеет. Оба в результате страдают. А у Андрея нет мотивации что-то менять. Зачем она ему, если есть рядом «мамочка»? Он лучше будет ей манипулировать: «Я без тебя не справлюсь. Помоги», но ничего делать не будет.

— Смотри всегда на действия, потом на слова. Так?

Я задала риторический вопрос.

Шеф был как всегда жесткий, но он видел мир чуть иначе, потому что сам был иным. Каким именно? В этом никто из нас до сих пор не разобрался.

— Выходит, Ольга впервые честно себе призналась, что происходящее не нормально, а значит у нее появился шанс? – продолжила я. — Так выглядит развилка судьбы?

— Наконец! Дошло до вас! Не зря «Замочная скважина» была придумана. С каждым кейсом вы растете и видите мелочи.

Буров улыбался.

— Значит, честность. Честность перед собой. Это то, что ставит нас перед выбором.

Начальство довольно кивнуло, но, как обычно, нас ждал подвох:

— А что стало стимулом к этой честности?

— Взгляд официантки, — вдумчиво произнесла Алена. – Ольга думала, что геройствует, но, когда увидела, как смотрит на нее посторонний человек, почувствовала себя глупышкой. Это запустило цепочку мыслей. А такая ли она героиня?

— Хорошо. Последний контрольный вопрос: если Ольга ничего не изменит, то будет что?

— Андрей все глубже будет падать в зависимость, — ответила Настя. — А она все глубже будет себя терять. Когда очнется, если очнется, то лучшие ее годы будут потрачены на спасение, а не на саморазвитие. Но самое страшное, что Ольга будет винить себя. За то, что не смогла. За то, что бросила. За то, что недостаточно старалась. Хотя единственная её вина в том, что она забыла про себя.

Ольга вышла из машины, оставив в ней спящего Андрея. Она стояла, опираясь на бампер, и смотрела в небо, на проступающие на нем звезды, плохо различимые из-за света фонарей. О чем она думала, мы уже не знали. График ее эмоций на соседнем экране застыл в грязно-синих оттенках. Так себя обычно проявляли бессилие, страх.

Ольга что-то нажала в телефоне и поднесла его к уху.

— Альбина. Прости. Мне нужна помощь. Я так устала.

- Что там у тебя? Снова Андрей?
- Ты... — осеклась Ольга. — Откуда ты знаешь?
- Тоже мне секрет. Снова напился?
- Да, — ответ прозвучал глухо.
- Долго будешь еще бегать за ним? — спросила подруга.
- Что-то надо менять...
- Хорошо, что ты это наконец поняла.

А что, если все было бы немножко иначе? Один день с Браксом. Утро

— Слушай, Вася! Вставай! Это уже ни в какие ворота! Желудок слипся, мочевого пузыря вот-вот лопнет, а она спит. Просто спит!

Сквозь сон до меня долетали обрывки чьего-то раздражённого ворчания.

— Да что ж молчит этот чёртов будильник? Она что, забыла его завести?

Смысл ворчания всё отчётливее проникал в подсознание, пока я не подскочила от страха. В квартире, кроме меня и собаки, никого быть не должно.

— А вот и оно, солнце ясное! Наконец-то очнулась! Приветик!

Звук шёл прямо из пасти моей собаки, сидящей на ковре возле тумбочки.

— Что уставилась, будто видишь меня в первый раз?

— Я... сплю?

— Нет, это я сплю, когда мой любимый пёс мучается, — сыронизировал Бракс. — Что с тобой не так?

— Ты со мной... говоришь? Я свихнулась? Нет. Не может быть.

— Ой, ну давай помолчим. Только очень и очень недолго.

Я уставилась на бульдога, а в следующую секунду пронзительной трелью разорвался будильник. Мой взгляд метнулся к тумбочке. Туда, где стоял мой израненный клыками помощник с круглым золотым циферблатом. И увидела симпатичную хрюшку. Зелёные стрелки на её розовом пузике показывали строго вверх, но наверху была цифра шесть. Не двенадцать.

— А все-таки ты его поставила вчера. Не забыла!

Бракс довольно хрюкнул, и я снова перевела на него взгляд.

Эта ситуация... как будто перестала пугать. Ведь совсем недавно я уже была в подобной. В гостях у Бурова и Елизаветы Андреевны, живущих вдвоём среди кошек. Но что-то внутри меня сопротивлялось, происходящее там мне не нравилось. Состояние требовало незамедлительных быстрых решений.

Может быть, я просто сошла с ума после всех надпространств, снов и знаков, изменённых судеб, аятов. А раз так, то как-то странно впадать в дикую панику при виде говорящей собаки. Тем более — в собственном доме.

То, что дом мой, я чувствовала нутром. Несмотря на серый шкаф, который должен быть тёмно-коричневым. На кровать у правой стены, которая теперь стояла посреди комнаты. А вот обои — как были светлые, в едва заметный мелкий цветочек, такими остались.

Хм.

— А где твоя хозяйка? — спросила я наконец, приходя в себя. — Ну... настоящая. Или мне всё-таки снится, что ты начал болтать?

— Может, тебе врача вызвать? — вздохнул Бракс. — Выглядишь бледно, несёшь ерунду, смотришь на меня круглыми от страха глазами, будто я принес тебе письмо из налоговой. А на голове... Боже мой! Даже у померанского шпица после дождя шерсть приличнее.

— У меня собака-абьюзер? — спросила я и глухо прокашлялась.

— Это кто еще тут абьюзер? Говорю же, вставай! У меня пузырь вот-вот лопнет. Или я пошёл на порог?

Всё, что я поняла: мой — не мой пёс мучается. Я же не живодёрка какая-то? Поэтому встала с кровати и потянулась за одеждой.

— Да иду я, иду. Даже умываться не буду. До выяснения всех обстоятельств.

И всё же кто я здесь? Что делаю? На этот раз всё изменилось. Меня видели люди, соседи здоровались. Тогда где настоящая Василиса? Та, что живёт в спальне с будильником-хрюш-

кой? Состояние было заторможенным и даже подозрительно спокойным. Через семь минут я стояла во дворе своего дома, вдыхая запах цветущей сирени. Весна. Тепло. Погода отличная. Всё выглядит как обычно.

Нет. Это сон.

Я ущипнула себя. Ай! Больно.

— Гениально! — донеслось снизу. — Теперь у тебя будет синяк.

Бракс уже сделал свои дела и теперь наблюдал, как я над собой издеваюсь.

— Пошли домой. Ты спасла мой мочевого пузырь, теперь спаси мой желудок.

— А?

— Завтракать хочу!

Моя – не моя собака мной командовала. Она со мной говорила. Мой двор был моим. Весна — весной. Солнце в небе светило. Единственное. Планировка квартиры та же, мебель, вот, немного другая, и странный, очень странный будильник. Может, всё-таки пора к врачу?

На кухне я насыпала Браксу корм, достала из холодильника яйца. Решила сварить себе на завтрак.

— Серьёзно? — презрительно донеслось с пола. — Опять я должен жевать этот сухой суррогат?

— Корм премиум-класса вообще-то, — спокойно парировала я, на всякий случай изучив этикетку.

— Премиум-дерьмо. Я бы омлетик съел.

— Собакам нельзя человеческую еду. Не полезно.

— А я теперь говорящая собака-философ. И кормить меня надо соответственно.

Я посмотрела на Бракса, вздохнула и достала сковородку, а потом и молоко. Значит, яйца не варим.

Через пятнадцать минут мой пёс с удовольствием чавкал омлет, а я медленно ковыряла вилкой свою порцию, пытаясь понять, где именно в жизни свернула не туда, что оказалась здесь в компании вредного друга.

— Хорошая ты сегодня хозяйка, — пробубнил Бракс, вылизывая тарелку. — Знаешь, в чём разница между людьми и собаками?

— Боюсь, бессильна, — ответила я. — И в чём?

— Мы живём настоящим. Видим кошку — бежим. Дают еду — счастливы. А вы всё думаете: что было, что будет, что происходит. Радоваться здесь и сейчас не умеете.

— Не все мы такие, — вздохнула я. — Слушай... А ты не знаешь, где я сейчас работаю?

Почему-то мысль об опоздании на работу меня совсем не тревожила. Может здесь у меня вообще нет работы. А я в любой момент перенесусь в... свой кабинет на Верховенской. Очнусь или проснусь, посмеюсь, а потом пойду допытываться у шефа что со мной происходит. Тех объяснений мне было уже недостаточно. Слишком реальным был мир. Теперь вот сижу рядом с говорящей собакой.

— Как где? В Бюро изменения судеб. Ты вроде с кровати не падала.

— Это хорошо. Значит, не всё потеряно. Еще одна часть жизни осталась без изменений.

«Буров всё объяснит», — всплыла фоновая мысль, с которой я тут же согласилась.

— А возьми меня с собой на работу, — вдруг попросился Бракс. — Заодно и разберёшься со мной. Вдруг во мне патология? А я тут болтаю и даже о ней не в курсе.

Я посмотрела на шерстяную вREDину.

Бракс подал мне отличную идею. Если что, станет моим доказательством.

Буров во всем разберется, а то я чувствую себя каким-то супергероем из фильма, а не Василисой, бывшим бухгалтером в абсолютно серой, материалистичной реальности.

А что, если все было бы немножко иначе? Один день с Браксом. По дороге на работу

Мы шли по улице, и Бракс тянул поводок с таким видом, будто это не я его выгуливаю, а он меня сопровождает из вежливости. Весна медленно сдавала позиции, уступая место лету. Тёплый ветер уже не охлаждал, но сохранял ту самую свежесть, что приносит молодая зелень кустарников и деревьев, и весенних дождей. А еще ветер сбивал выхлопы автотранспорта, сносил шум чужих проблем.

— Не дёргайся и веди себя прилично! — сказала я Браксу.

— Я и не дёргаюсь, — отозвался Бракс. — Я изучаю социум. Очень познавательно. Очень печально.

Навстречу нам прошёл мужчина в дорогом костюме. Идеально сидящем. Чистые ботинки, уверенный шаг, телефон у уха. Вид, как с рекламного щита.

— Смотри, какой альфа-самец!

Бракс остановился, как вкопанный, заставив меня оглянуться и посмотреть вслед прохожему.

— Бракс! Мне сейчас не до мужчин!

— А жаль. Была бы ты повнимательнее, то увидела, что за напускной важностью скрывается вязкая каша. Толку-то что плечи расправлены и подбородок вперёд!

— Перестань, — прошипела я, продолжив путь на остановку. — Люди слышат.

— Не слышат, — спокойно ответил мой пёс. — Только ты меня сейчас слышишь. И сама с собой говоришь. Радует, что эти люди заняты только собой. Им пофиг, что ты там болтаешь под нос. Так вот. Вернёмся к альфе в костюме.

— С чего ты вообще взял, философ, что у него что-то не так?

— От него несет страхом, бессонницей. И давление скачет. Наверняка весь в кредитах. Ещё пару лет, и парня схватит инфаркт. Либо ему повезёт, он бросит все и купит себе мотоцикл. И свалит куда подальше.

Я споткнулась. Слова Бракса не укладывались в голове. Мало мне того, что я непонятно где, так ещё и Бракс вдруг решил, что он аналитик человеческих судеб. Новоявленный психолог-философ.

— Ты что, диагнозы ставишь?

— Я не просто нюхаю, — поправил пёс. — Я слышу, как он живёт. Он тратит силу на пафос, внешний лоск для него важнее спокойствия. Прекрасный внутренний конфликт, не находишь?

— Бракс! В кого ты умный такой получился? — я иронично одернула своего шерстяного циника.

— Ладно-ладно! Костюм ему правда идёт!

Я вздохнула. Определенно, если я работаю в Бюро, а там есть мой Буров-начальник, то нет смысла ждать, когда я вернусь в свою жизнь. Спрашивать надо здесь и сейчас. Чтоб больше никаких проволочек!

Лишь бы не оказалось потом, что управляет вместо Букова Бракс. Вспомнились Елизавета Андреевна и Михаил в красной майке...

Мы подошли к остановке. Люди стояли кучкой, каждый в своём пузыре. И тут Бракс тихо рывкнул.

— Да поглядите-ка на неё. Классика! Настоящая классика!

Я проследила за взглядом собаки.

Недалеко от остановки девушка ходила кругами, прижимая телефон к уху. Говорила что-то тихо, потом замолкала, кусала губу. Глаза красные. Слёз на щеках не видно. Но чувствовалось, что они там, внутри, сидят незримым, тяжёлым комком.

Незнакомка напомнила Шурзину Алию когда-то давным-давно.

— Она плачет, — сказала я.

— Она ждёт, — уточнил Бракс.

— Чего?

— Его. Он её бросил. Недели две назад. Может, три. Но она решила, что если походить здесь подольше, то Вселенная одумается и снова даст ей шанс.

— Что ты несёшь? — я посмотрела на Бракса с подозрением.

— Во-первых, — начал рассказывать он терпеливо и даже с удовольствием, — она уже третий круг вокруг квартала наматывает. Я её отлично помню. Жила тут раньше в соседнем доме. А следы свежие, знакомые. Во-вторых, она всё время разворачивается во-он туда к углу. Будто ждёт, что он выйдет как раньше. В-третьих... — пёс помолчал. — Она думает одно, а чувствует другое. Это слышно.

— Слышно?

— Да. Как скрип. Когда внутри не совпадает.

Я замолчала. И ведь не опровергнешь. Откуда мне знать, что умеют чувствовать собаки? Страх они определяют. Тут точно.

Девушка прошла мимо. На нас она не взглянула.

— Странные вы, — продолжил Бракс. — Цепляетесь за тех, кто вас не ценит. Причём с таким упорством, что любой пёс позавидует. Упорству вы у нас, у собак научились?

Да уж. Вдруг поймала себя на мысли, что мой пёс прав. Преданность со знаком минус. Верность любви страдать.

— Это сложнее, чем ты думаешь, — сказала я, отметив иронию Бракса.

— Возможно, — кивнул Бракс. — Но собака бы просто ушла к тому, кто её кормит и чешет за ухом. А не терпела побои, если дать ей выбор.

— Как-то слишком у тебя всё просто.

— Честно, — возразил Бракс. — Вы называете это границами и самоуважением, когда психолог скажет. А я — когда миска не пустая и не обижают. Понятно?

Я улыбнулась. Как раз подъехал автобус. Люди дёрнулись, толпа ожила, засуетилась. Как будто вспомнила, что помимо собственных мыслей есть какие-то дела и обязанности.

Уже в автобусе из окна я посмотрела на девушку. Она так и осталась стоять на остановке. Не её маршрут? Или будет ждать бывшего, как Хатико, надеясь получить каплю внимания? Объяснениям Бракса я почему-то поверила.

— Иногда, — сказала я тихо, — человек не уходит, потому что боится, что больше никого не найдёт. Одиночества он боится.

Бракс посмотрел на меня внимательно. Слишком внимательно.

— Вот это уже не про неё, — сказал он и после паузы вдруг добавил: — Это про тебя.

— Знаешь что? — я недовольно нахмурилась. — Я прекрасно живу одна и меня всё устраивает!

«Или нет?» — что-то ёкнуло внутри, но я не стала развивать эту мысль. Мне она совсем не понравилась. Не так давно, я сама учила Алию, что одиночество — это самостоятельность, возможность расти. С собой я никогда не скучала.

«Уверена?» — снова предательский вопрос.

«Да!» — ответила самой себе, удивляясь, откуда у меня вообще появились сомнения, внутренний диалог. Никогда с собой не болтала, а тут что-то такое...

— Наша остановка. Пошли, — сказала я Браксу и потянула за поводок.

— Наконец-то. Меня уже тошнит от этой тряски. Неужели нельзя было придумать что-то получше, чем эти ящики на колесах? Даже окон для собак не придумали!

А что, если все было бы немножко иначе? Один день с Браком. В офисе

С самого утра в офисе было оживленно. Разговоры коллег, свист чайника, звон чашек, блюдец, запах свежесваренного кофе и распоряжения Бурова, шелест клавиатур. Всего-то нас было восемь, а энергии через верх, и все заняты.

Я вошла первой, Бракс с важным видом за мной, словно он здесь начальник. Он оценивающе втянул носом воздух и довольно фыркнул, привлекая внимание.

Недовольный взгляд Елизаветы Андреевны стал для нас первым барьером.

— Это ещё что такое? — фыркнула она. — С животными сюда нельзя.

«Я порядочный пёс! Тихий и аккуратный!» — рявкнул тихонько Бракс: «Скажи ей, Вася!

— Он порядочный, тихий и аккуратный, — повторила я слова своего шерстяного друга, делая особенный акцент на словах тихий и аккуратный. — Очень воспитанный пёс.

«Обещаю! Я не подведу!» — тут же отозвался Бракс, глядя на секретаршу Бурова снизу вверх преданным собачьим взглядом.

По виду Елизаветы Андреевны стало ясно: мы ее не убедили. Но спорить она не стала. И, разумеется, ничего от пса не услышала. Только хмыкнула и демонстративно уткнулась в бумагу.

— Божечки, а кто у нас сегодня в гостях! — вскрикнула неожиданно Настя. — Вот так сюрприз у нас! Вот так подарочек!

Она тут же присела рядом с Браком и начала тискать его с таким энтузиазмом, будто хотела прощупать как мягкую игрушку и убедиться, что пёс живой.

— Какой красавец! И глаза умные! И какая блестящая шерсть! Холёный кобель. Как прекрасен!

Бракс сначала напрягся, а потом даже закатил глаза от удовольствия. Умел бы мурлыкать, замурлыкал от счастья. Кажется, я столько не смогла бы ему дать ласки за неделю, сколько он получил её от Насти сейчас.

«Продолжай», — бормотал он блаженно, тая, как мороженое под летним солнцем. «Не останавливайся. Гладь и массируй. Я давно не слышал, чтобы меня так правильно оценивали».

— Вот дела! А я-то думала, что кое-кто любит дистанцию!

Да-да! Так я попыталась отвлечь собаку. Но как же! Бракс лишь подставлял бока, пока на пороге своего кабинета не появился начальник.

К счастью, Буров в этой реальности говорящей собаки ничем не отличался от Бурова, где Бракс молчал. Это весьма обнадеживало.

— Это что здесь происходит? — спросил он и добавил, заставив Кошкину, наконец, оторваться от Бракса. — Рабочий день вообще-то давно начался.

— Убегаю-убегаю, — засмеялась она. — Но он такой прикольный, согласны?

«Просто в гости мне захотелось», — будто смущенно пробурчал мой пёс, с опаской поглядывая на Михаила. «Без меня бы вы с Шурзиной не справились ни за что! Если бы не моя доблесть и не мое стратегическое мышление в парке... О, я уверен, вам пришлось бы попытеть!»

Я уже приготовилась переводить, но по лицу Бурова вдруг осознала, что не единственная слышу собаку.

«Как внештатный сотрудник, полагаю, я имею право присутствовать в офисе».

Брови Бурова поднимались все выше. Запахло жареным, и не только я это почувствовала. На мужском лице появились сомнения и желание выгнать нас двоих за порог... Нет, может быть, мне показалось, но Бракс тут же добавил:

«Иногда присутствовать. Иногда!»

— Василиса?!

Буров произнес мое имя жестче обычного, явно требуя пояснений, что ничего не осталось, кроме как сказать:

— У меня дело есть. Очень важное. Можно сказать, дело жизни и смерти.

— Полчаса подождёт? – деловито уточнил Буров.

— Подождёт.

Михаил кивнул, а затем взял свой мобильный, кому-то позвонил и удалился к себе в кабинет.

Мы же с Браком устроились на диване. Вернее, только я. Моему шерстяному товарищу пришлось довольствоваться ковром под недовольным взглядом Пивновой.

Брак вытянул лапы, протяжно зевнул.

— Ну что ж, Василиса. Раз нам придется ждать, давай для начала разберемся с этим террариумом.

— Брак! – чуть ли не зашипела я своим шепотом.

Я уже поняла, чего сейчас ожидать. Это будет выглядеть так, будто я сама с собой разговариваю.

— О Бурове, — продолжил он, не обращая внимания на мои страдания. – Вожак стаи. Силач. Одинокий волк. Жену бы ему красивую. Вроде тебя.

— Прекрати! – прошептала я, наклонившись. – Это невозможно. Мы недавно выяснили, что в этой жизни Буров не хочет отношений.

«Не помню я, чтобы он это утверждал», — внутри зародился какой-то червячок сомнений, который я тут же отогнала.

Что за глупости! Я помню тот разговор!

— Ага-ага, — хмыкнул Брак. — Знаем мы таких. Хочет близости, но боится. Классика. Вы достойны друг друга. Никто из вас не сможет сделать первый шаг. Я это нюхом чую. Так и профукаете отличный шанс.

— Бред!

— Он на тебя смотрел. Три секунды. Это много для него.

— Ты всё выдумываешь.

— Собаки не врут. Мы считываем невербалку. Ты ему очень нравишься.

Я громко фыркнула, заставив Елизавету Андреевну на себя посмотреть.

— Вы меня отвлекаете от работы, — грозно произнесла она и продолжила: – Почему бы вам не уйти в свой кабинет? Вы же тут вроде работаете?

— Извините. К сожалению, в моем кабинете Браксу не будет так удобно, как здесь. Да и я жду, когда Михаил освободится.

Пивнова мне улыбнулась так, будто съела лимон. Эх... Как-то сразу у нас отношения не очень заладились. Что-то ей во мне не нравилось, но вот что? Я пока не разобралась.

— Настя пахнет собаками. Честностью. Прямая, как палка. Мне нравится. Только вот сильно тискает. До сих пор бока болят.

— Ты вообще-то не возражал.

— А ты сразу приревновала.

— Глупости.

— Конечно.

Брак повернул голову в сторону Глеба, которого я видела через открытую дверь в своем кабинете.

— А этот не от мира сего. Всё время крутится в будущем. Ни разу не погладил собаку. Разве он любит животных? Это же красный флаг. А ещё рыжий называется.

— А рыжий тебе чем не угодил?

— Рыжие добрые.

— А он добрый. Может, просто боится собак.

— Ну да, — Бракс важно кивнул. — Тогда понятно. Не будь я мощным и опасным кобелем, сам бы себя испугался. Ладно. Еще понаблюдаем. А вот эта огромная женщина за соседним столом. Жутко одинокая. И пахнет котами. Они скрашивают ей жизнь и фантазии о твоём ненаглядном. Ты его точно к ней не ревнуешь?

На этот раз я даже закатила глаза, не в силах выносить рассуждения пса. Браксу в пору быть свахой на какой-нибудь шоу-программе, честное слово.

— А твои реакции мне говорят, что ты сама убегаешь. Ты не даешь ему шансов. Ни взглядом не ответишь, интерес не покажешь. Я вот предполагал и теперь убедился.

— Да с чего ты взял? — воскликнула я вслух, заставив Елизавету Андреевну снова оторваться от монитора, поэтому пришлось добавить уже для нее персонально: — Простите. Привыкла разговаривать с Браксом. Вы со своими любимцами вслух общаетесь?

Пивнова прищурилась, но ничего не сказала. Между тем, Бракс продолжал:

— Да-да. Ты боишься. Боишься нравиться, боишься ошибаться. Сидишь в своей зоне комфорта вместо того, чтобы Бурову построить глазки. Видно же, что между вами химия. А ты бегаешь от него и от реальности.

Я замерла. Бракс говорил не совсем про меня. Или не совсем про эту меня. Осознание как щелчок. Увлелась так, что забыла. Кто я. Где я. Тут-то всё может быть иначе!

— Осторожная просто, — сказала вслух в оправдание.

— Осторожная — это когда ты не лезешь к большой собаке, — тут же подхватил Бракс. — А ты не лезешь к жизни.

Он приподнялся и посмотрел на меня серьёзно.

— Вот смотри на меня. Я собака. Живу лет десять, если повезёт. Но я каждый день радуюсь: прогулке, еде, тому, что ты вернулась домой. А ты? Ты проживёшь лет восемьдесят и половину потратишь на страхи и сожаления, что не переступила их.

Я вздохнула. Бракс был отчасти прав.

— Не хочу тебя обидеть, — продолжил пёс тише. — Я хочу, чтобы ты была счастлива. Потому что, когда ты счастлива, ты пахнешь солнцем. А когда грустишь, то дождём.

— Бракс... Такой романтик, — сказала я. — Спасибо.

— Не за что, — тут же оживился он. — Теперь дай мне хотя бы половину сэндвича. Философия — дело голодное.

Зазвонил коммутатор. Елизавета Андреевна активировала связь, и я услышала голос Бурова:

— Елизавета Андреевна, пригласите ко мне Василису.

Я поднялась. Бракс тут же вскочил и засеменил следом. И почему-то мне показалось, что это будет весьма и весьма занимательный разговор.

А что, если все было бы немножко иначе? Один день с Браксом. Раскрывая тайны

В кабинете Буров сидел у себя за столом. Он взглянул на меня с интересом, с не меньшим интересом он посмотрел и на Бракса.

Кабинет выглядел привычно и одновременно неуловимо иначе. Я не могла поклясться наверняка, но будто папки стояли не на той стороне стола и лампа, а на чашке была надпись, нанесенная другим шрифтом.

Бракс занял ковер возле дивана, мне же пришлось сесть в кресло напротив Бурова.

— Вы выбрали для разговора не то место, — прокомментировал громко Бракс. — Что за иерархия для личных вопросов?

О, ёлки-палки! Я внезапно смутилась, но постаралась отогнать от себя странные мысли о том, что Михаил как-то странно прищурился, а еще остановил на мне взгляд дольше обычного, задержался на губах.

— Бракс, помолчи, а, — попросила собаку, собралась с силами и уже обратилась к начальству: — Михаил. У меня Бракс разговаривает!

— Слышу, — спокойно ответил Буров, будто в этом не было ничего необычного. — И что?

— А то, что я не знаю... Я не знаю, что со мной происходит.

Наступил момент для откровений. Успокаивало, что если это другая реальность, ну, допустим, то с этим начальником я больше не встречусь.

— Перемещения. Недавно я попала на кухню к Елизавете Андреевне. Но не к этой. У другой. Моложе. И у нее был муж. Вы. Не этот вы, а другой. И кошки. И тапки с помпонами. И футболка. И они меня не видели.

— Дальше.

— А дальше сегодня. Мне страшно. Теперь меня все видят. А мой Бракс со мной никогда не говорил. А теперь разговаривает. И вы его тоже слышите. Почему? И будильник у меня был другим. И квартира. Там планировка другая.

Мимика Бурова вообще не изменилась, будто я рассказывала ему о погоде за окном. Эдакие очевидные вещи. Но его внимательный взгляд призывал продолжать.

— Мой начальник. Буров другой... Сказал, что между мирами можно перемещаться также, как в надпространстве. Не имеет значения. Главное, якорь для возвращения. А у меня якорь... Вот!

И я показала на Бракса, который с удовольствием чесал за ухом, поглядывая на нас левым глазом.

— Вы знаете, что происходит?

— Догадываюсь.

— Можете мне объяснить? У меня состояние... Кажется, близкое к панике.

Вот тут-то я все осознала. По-настоящему.

Я с силой потеряла виски, пытаюсь отогнать приступ страха.

— Успокойся, Вася, — с неожиданной нежностью в голосе произнес Буров. — Я с тобой и тебе сейчас ничего не угрожает. Поверь.

— Михаил. Объясните мне. По-человечески.

Буров чуть улыбнулся.

— По-человечески нельзя. Тогда ты начнёшь представлять это магией, а она плохой инструмент для работы. Я скажу по-служебному. Но так, чтобы ты поняла.

— Я тоже тогда послушаю, — неожиданно вклинился Бракс. — Меня это, очевидно, касается. А это, знаете ли, ведет к экзистенциальному кризису. Прямо его чувствую. Вот.

Буров перевел взгляд на собаку.

— Экзистенциальный кризис подождёт, Бракс. У тебя сейчас синдром расширенного словаря.

— Обесцениваете мои страдания, угу, — буркнул пёс, но замолчал.

— Начнём с базового, — переключился на меня Буров. — Ты не перемещаешь тело.

— Но... я же... Я трогаю предметы. Я чувствую. Я...

— Ты перемещаешь точку управления, — мягко продолжил Буров. — Сознание. Фокус. Канал восприятия. Тело остаётся здесь. Со стороны кажется, что ты задумалась, ушла в себя. На деле, ты занята в другом месте.

— В другом мире.

— В другой ветке реальности, — уточнил он. — Мы работаем с вероятностями и последствиями. И ты правильно видишь мелочи. Это маркеры определенной ветки. Обои остались? Устойчивый параметр. Будильник изменился? Параметр неустойчивый. Не думай о них больше, чем нужно. Тогда психиатр тебе не понадобится.

— А почему меня то видят, то нет?

Буров поднял два пальца.

— Это два режима доступа. Ты можешь быть наблюдателем. А можешь быть участником. В этом нет ничего такого. Зато у тебя появились способности видеть ветки судьбы.

Михаил говорил очень спокойно. Так объясняют детям, что нельзя ставить горячее на стекло, или нельзя перевешиваться через перила лестницы без риска упасть.

— В режиме наблюдателя ты как информационный слой. Видишь ветку, считаешь события. Люди тебя не видят. Камеры не могут фиксировать.

— А животные? Кот на меня зашипел!

— Животные видят «сбои» в матрице. У них нет такого фильтра, как у человека. Это у человеческого восприятия есть особенность отбрасывать все, что не участвует в событиях.

— То есть я призрак?

— Не призрак, — коротко произнёс Буров. — Небольшой временный баг.

— Хорошее сравнение, прямо как ваша зарплата, — фыркнул с ковра Бракс.

— Молчать, — беззлобно скомандовал Буров собаке и перевёл взгляд на меня. — В режиме участника тыходишь в ветку, как активная версия себя. Тогда тебя видят. С тобой взаимодействуют. Ты влияешь.

— Но я чувствую боль, даже когда наблюдаю.

— Почему нет? Боль — это продукт мозга, а не кожи. Если ты знаешь, как больно, когда обжигает огонь, тебе не нужно испытывать ее. Достаточно посмотреть на то, как огонь обжигает. Мозг сам все построит как нужно.

— Я щипала себя. Было-было, — согласилась с Михаилом. Логика меня успокаивала.

— В участнике все еще более реально, потому что ты объединяешься с местной версией себя.

— Но это же... — Я сглотнула. — Это не воображение?

— Воображение — это когда ты можешь остановить. А тут ты не можешь. Значит, канал настоящий.

Я опустила взгляд на свои руки. Они слегка дрожали.

— Хорошо. Допустим. А двойник? — я подняла глаза. — Если я там, то здесь есть и другая Я. Куда она девается?

Буров чуть наклонился вперёд, и голос стал тише, увереннее.

— Здесь главное не перепутать слова. «Двойник» звучит так, будто вас две. А вас — одна. Просто с разными линиями выбора.

— Это как?

Михаил улыбнулся и поднялся с кресла. Обошел вокруг стола, сел в кресло рядом. Теперь нас стол не разделял, и это внутри вызывало какую-то непонятную дрожь. Что-то новенькое, чего я раньше не чувствовала.

«А если он ко мне сейчас прикоснется? А если возьмет меня за руку? А у меня ладошки вспотели».

Боже! Ну, причем тут ладошки? Если важнее всего то, что со мной происходит?

Буров чуть наклонился, будто уловил что-то меня беспокоящее.

— Василиса, ты слушаешь? До точки расхождения ты и она — одинаковые. Потом у вас разные решения, разные привычки, разные страхи. Когда тыходишь участником, происходит временное совмещение.

— Подселение? — резко спросила я, и внутри меня почему-то поднялась волна злости. — То есть я... живу вместо неё?

— Не вместо, — спокойно ответил Буров. — Вместе. На короткое время.

Он смотрел прямо, без жалости, но и без жёсткости.

— Реальность не терпит двух активных Василис в одном узле. Это против всех законов системы. Поэтому конфликт решается через слияние. Тыходишь, и вы становитесь одной системой. Отсюда эффект, который можно назвать «внутренними противоречиями».

Ты хоть раз спорила сама с собой с утра?

Я внезапно открыла рот и закрыла. Потому что попал. Эти мысли... Они были моими, но не до конца. Я же помнила разговор с Буровым в той, моей реальности. Там все было очень четко. Не тут. Я с собой разобралась тогда.

— А что же Вася этой реальности? Вот та, кто со мной сейчас? А меня уже целый день нет там. Я здесь. С этим что делать? Меня же потеряли. А у всех людей так?

— Сколько же сразу вопросов! — Буров даже засмеялся. — Ну тогда слушай внимательно. И выпей воды. Ты очень напряжена.

Михаил принес мне стакан, набрал из графина воды. Я перевела взгляд на руки, и увидела с какой силой сжимаю подлокотники кресла. После глотка воды стало легче.

— Прежде всего ты должна понять, что «реальности», «режимы», «совмещения» — это прикладной уровень. В основе всего лежит Дух, а тело как инструмент. Как сосуд. Ты можешь его беречь, можешь над ним издеваться. Это уже вторично. Сам Дух многомерен, ведь он частица Творца. При слиянии его частиц в какой-то определенной реальности появляются варианты. Дальше дело за выбором.

Бракс поднял голову.

— То есть она... — пёс прищурился. — Моя хозяйка — это такой... коллективный орган?

— Ты сейчас очень близок к увольнению, — сказал Буров.

— Меня не уволить, — гордо ответил Бракс. — Я домашний пёс.

— А вы его тоже слышите. Ведь слышите же?

Я повторила вопрос, будто хотела убедиться еще раз, что не поехала крышей.

— Слышу. Точно также, как ты. Не ушами. Это канал восприятия реальности. У меня он давно настроен, а ты к нему подключилась спонтанно.

Я нервно выдохнула, но впервые за утро почувствовала себя намного лучше. Когда-то путешествие в надпространство доставило мне много эмоций. Теперь всё усложнилось. Если можно так сказать.

Начальник и собака шутили, но мир не замкнулся на привычном. Есть что-то больше, чем материя. Есть мир духовный. А там возможно все, что не нарушает вселенских законов.

— Говоря простым языком, — продолжил Буров, — у тебя открылась способность влиять на ветки судьбы изнутри. Видеть их. Выбирать.

— Но я не контролирую это.

— Может быть и не сможешь никогда. Что касается времени. Время – это параметр, и оно относительно. Сутки здесь – один миг там. Никакой синхронизации. Это ничего не ломает.

— И как мне... — я запнулась. — Как мне понять, в каком я режиме?

— Очень просто. Ты практически не влияешь на ход событий, наблюдая. В участнике ты оставляешь следы. Или маркеры.

— А если я не хочу... — Вася сглотнула. — Если я не хочу совмещаться? Если хочу обратно?

— Тогда не будь участником без необходимости. Учись наблюдать. А еслиходишь, то делай это осознанно, с задачей. Не из паники. Не из любопытства. И никогда из чувства «должна». Что касается возвращения обратно. Задай другой вопрос: зачем ты попадаешь в ситуации, когда вступаешь во внутренний конфликт. Для чего?

«Какой же он всё-таки умный! Красивый...» Мысль всплыла непринужденно, легко. В ней была толика грусти и восхищения. «С ним не страшно...»

И, возможно, не чужую судьбу. Если я, как активный внутренний конфликт, должна на что-то повлиять, то для начала почему бы не решить то, что меня последний час так беспокоит? Почему бы не прислушаться к Браксу, который мне много чего рассказал в приёмной, пока мы ждали. А потом я поняла. Поняла! Если я здесь, значит, должна что-то изменить.

И я решилась.

— Михаил. Извините за вопрос, если он покажется странным, но... Что вы делаете сегодня вечером?

«С ума сошла! Что ты творишь? Стыдно-то как» — что-то взбунтовалось внутри меня.

— Я хотел бы пригласить вас на ужин, — тут же откликнулся Буров с улыбкой.

Нет, начальник всегда что-то знал больше всех остальных. Это было так очевидно. Вероятно, это и оставалось, не важно для какой из реальностей.

«О нет! Он серьезно? А что же отвечать?»

— С удовольствием, — произнесла я. — Расскажите мне чуть больше о развилках, других реальностях?

— А я что же? Останусь без вечернего омлетика? Буду сухим кормом давиться? – обиженно и нарочито громко произнёс Бракс, привлекая внимание. — Я требую омлеты по рецепту. И вообще хочу вернуть прежнюю версию. Она меньше спорила и больше кормила.

Но Буров не стал общаться с собакой.

— Во сколько за тобой заехать, Вася? – спросил он.

Я прислушалась к себе. Внутри тишина с замиранием. Очень хотелось пойти на ужин, но было так страшно.

Ну же, давай отвечай! Потребовала от себя.

«Может в восемь?»

— В восемь часов давайте, — предложила я, и Буров кивнул.

А потом... Потом я внезапно оказалась в кровати.

Бракс сидел напротив меня на коврик и внимательно смотрел на меня. Гавкнул.

— Поняла. Хочешь на улицу, срочно? А потом ко мне на работу?

Я быстро бросила взгляд на будильник. Золотой циферблат и царапины. Кровать на месте. Бракс еще раз гавкнул.

Вернулась! Я вернулась в свою реальность? Как это проверить? Новый вопрос, который требовал ответа от Бурува.

И тут же вывод. Если я вернулась домой, значит, там я всё сделала правильно.

С улыбкой подумалось, что я с удовольствием сама сходил бы с Михаилом на ужин. Но, в принципе, где-то там... Я и пойду. Где-то там моя судьба изменилась. И это отчего-то порадовало.

Бракс еще раз гавкнул, и я соскочила с кровати.

Сет 14. Извинения после скандала

Маша снова проснулась в слезах. Ее жизнь рушилась как карточный домик. На полу валялся разбитый мобильный. Лешка его вчера бросил в стену. Хорошо, хоть не в неё...

За что? Ах, она вещи разложила неправильно на его полке. Его чистые вещи она разложила не так. Как же он сильно орал на неё. И вот результат – она теперь без связи. Не написать никому, не позвонить. Удастся ли восстановить фотографии?

Слезы потекли сами собой, будто и не было вчерашней ночи после ухода Лешки. Сколько в ней еще влаги? Когда изольется обида? Помнится, она была маленькой, после любых слез наступало опустошение, а сейчас ночь в слезах, а его нет до сих пор. Как жить дальше? Что делать?

Звонок в дверь заставил Машу подняться с кровати. Она накинула на себя теплый халат и босиком проследовала по холодному полу. Щелчок замка и на пороге он. И букет красных роз. Красивых, в блестящей обертке.

— Прости... Я был не прав. Вот, если сгладит.

Лешка протягивает ей коробку с любимым печеньем и улыбается. Смотрит внимательно, ищет поддержку... Или рассматривает опухшие от плача глаза?

«Ты тупая корова! Настолько тупая, что ни на что не годишься!» — орал он ей месяц назад, потом принёс торт.

А когда толкнул больно, потом оправдывался: «Прости, случайно!» Принёс флакон французских духов.

Маму обматерил? Браслет. Извинялся.

Тарелку разбил её любимую. Ту, что с детства осталась на память. Говорил, что не знал... Он тогда рассердился, что ей позвонил старый знакомый. Тогда были цветы. Охалку тюльпанов принёс, обещал, что больше такого никогда не повторится.

Сколько они уже вместе? Прошёл год. Когда это всё началось? Ещё осенью.

— Я обещаю, что пойду к психологу и пройду курс по управлению гневом, — говорил ей быстро Лёшка, пока у нее в голове прокручивались картинки их совместного прошлого. — На работе стрессанул. Да, не оправдание. Но постарайся меня понять. Прошу. Я тебя так люблю, Маша!

Глаза виноватые. Обещания. Сколько раз было так? Каждый раз она верила и боялась, что это в последний раз.

— А телефон мы тебе купим новый. Сегодня же. Ну же, Маша. Скажи что-нибудь, ну прошу! Не смогу без тебя. Не смогу. Дай мне ещё шанс, пожалуйста! Что скажешь? Ты простишь меня, любимая?

Внутри закричала душа, забила раненой птицей. Нет! Нет, уходи! Уходи! Сердце глухо стучало. Нужно всего лишь проявить силу и смелость. Сказать ему это. Просто произнести слово «НЕТ»... И страх липкий, обволакивающий тело, руки и ноги. Она останется тогда одна и никогда-никогда не найдет такого умного и уверенного мужчину, как Лёша. Он всего лишь вспыльчивый, но он хочет над этим работать. Пусть будет еще один шанс. Один, последний.

— Да, — прошептала Маша. — Конечно.

Леша крепко ее обнял, прижал к себе. Он, она, между ними цветы. Острые шипы пробились через ткань и впились в кожу. Как его поведение. Как его слова. Больно!

— Ай, — взвизгнула она.

Леша тут же отстранился, убрал букет. Раздвинул полы халата. По груди Маши стекала кровавая капля.

— Чёрт, Машка! Какая ты нежная! Нельзя же такой быть, ахахах!

Леша засмеялся, сбросил куртку с плеч, разулся. Розы лежали на полу, но он их не поднял. Прошел мимо неё прямо в кухню.

— Машуня, а есть что-то на завтрак? Может, что-нибудь приготовишь? Обожаю твои блинчики или оладушки. Ты кудесница, знаешь это?

— Да. Сейчас, — слеза снова покатилась по щеке Маши. — Только цветы соберу.

— Разве это любовь? – возмутилась я, глядя на произошедшее. – Очередная взятка, плата за следующий акт агрессии.

— Это очень страшно. Очень, — с горечью сказала Алена, прокомментировав произошедшее. – Там толкнул, там мобильный разбил, обозвал. Что дальше? Она ведь его и в следующий раз простит. И еще. Когда он ее начнет бить? У него все задатки.

— Каждым своим прощением Маша показывает, что готова и дальше терпеть. Раз за разом. Она уже в цикле насилия. Он раздражен – она ходит на цыпочках. Потом взрыв. Потом он приходит и извиняется. Дальше? А дальше снова затишье. Примерно на месяц. Только вот...

— Что? – спросила Алена.

— Только вот с каждым разом длительность медового месяца будет сокращаться. Вот что, — включился в беседу Максим. — И чем дольше она будет с ним жить, тем сильнее подсядет на яд. Его качели для нее, как наркотик. И сама она, как наркоманка.

— Ох, уж этот человеческий мозг! — с усмешкой добавил Глеб. – Дофамин, кортизол, окситоцин сменяют друг друга, давая Маше ложную яркость жизни и чувств. Маша давно привыкла и успела забыть, что отношения можно строить иначе. На взаимоуважении и совместном росте, а не ночных слезах.

— А может, и не знает вообще, — возразила я. — Может, у нее в семье были проблемы с отцом? Был холоден, редко когда замечал. Вот она ищет в этом абьюзере что-то знакомое?

Буров внимательно слушал нас, потирал подбородок, чуть шурясь от удовольствия. Похоже, ему нравилась наша активность. Он видел, что «Замочная скважина» не просто учит нас разбираться в жизненных ситуациях, но и заставляет расти. Впрочем, этого он и хотел.

Буров в моей вероятности мало чем отличался от Бурова в той, другой. Хотя тот Михаил был немного помягче. Интересно, с чем это связано? Вопросы, вопросы...

— Только я вам так скажу, — произнес Михаил. — Маша не первую жизнь учится себя защищать. Пока с переменным успехом. Но есть шанс, что, когда он её впервые ударит, она с ним разорвет отношения. Так она смогла в одной из прошлых жизней. Хотелось бы, чтобы в этой жизни до побоев не дошло. Но насколько Мария будет способна прислушаться к своей душе и вовремя сбежать от насильника?

— Уходить ей надо сейчас. Чем раньше, тем лучше, — с энтузиазмом сказала Настя, словно могла повлиять на решение Маши издалека.

— Сейчас она не сможет. Каждый такой раз только закрепляет проблему. С каждым разом выбраться из этого дерьма Маше будет сложнее. Ломка без него будет дольше. Ей придется усердно трудиться, используя всю решительность и понимание, что отношения с этим мужчиной – одна большая дорога в тупик.

— Она для него как контейнер, — поморщилась Настя. — Он складывает в неё весь свой личностный мусор, токсичность, а она терпит. И будет терпеть, пока не поймет, что нужно бежать из таких отношений. Вот если бы она пошла к психологу, учиться, лечиться. Осознала бы, что он творит, поняла бы как важно себя уважать. Перетерпела какое-то время без него. Ведь то, что уже дало трещину, не получится склеить.

— Почему это? — возразил ей Макс. — А если он будет стараться, если она на самом деле ему дорога?!

— Такие кейсы бывают, но редко, — произнес Буров, констатируя истину, которую мы все давно знали. — Люди не любят меняться. А значит бегут от всего, что заставляет их думать и менять жизнь.

Я слушала коллег, искренне сочувствуя Маше. Она верила в раскаяние, принимая его за любовь. Она принимала за обычные ссоры оскорбления и нарушение ее личных границ. Она надеялась, что Лёша исправится. Я же помнила, как Тимур когда-то обещал Алие, что тоже пойдет к психологу, но так и не пошел. Чем Тимур, выплеснувший чай на грудь жены, отличается от этого парня, намеренно разбившего мобильный своей девушки? Почему Алексей возомнил, что имеет на это право? Бежать от такого надо, бежать! Или я ничего не понимаю в слове «уважение», а Маша так вовсе забыла о его существовании в своей жизни.

Этот страх быть плохой, принимать подарки как компенсацию, видеть одно и то же в его поведении... Вон как кривая её эмоций прыгала от светлого к темным цветам, пока он что-то ей говорил о вине. Пока Мария прощает, у Лёши нет мотивации меняться. А зачем ему вообще это делать, если подарки и ложь успешно работают? Ладно, если человек ошибся раз, с осторожностью я бы смотрела на вторую ошибку, но одно и то же несколько раз подряд...

У меня появляются сразу вопросы. Что я делаю рядом с таким человеком? Почему позволяю в отношении себя, любимой, такое поведение? Что я получаю взамен?

Буров сел в свое кресло, положил ногу на ногу, а затем спросил:

— Ваши варианты? Как проверить, готов человек меняться ради сохранения отношений?

Настя улыбнулась. Она отлично разбиралась там, где можно было помочь человеку на практике.

— Для начала я бы ткнула этому Леше его абьюзом в лицо. Сказала бы: «Слушай, парень. Ты думаешь, я ничего не понимаю, не вижу? Это в который раз за полгода? Пять скандалов, а потом извинения и подарки. Мне нужна пауза. Хочу подумать. Прощу тебя, когда увижу изменения».

— Я бы сделала это, но не наедине, — сказала Алена. — Кто знает, что с ним случится, если он вообразит поражение? Вдруг подумает, что его бросают, а это вызовет шквал агрессии?

— Шквал агрессии – однозначно красный флаг. Он может усилить давление. А если сам уйдёт? Так отлично, — принялся рассуждать Глеб. — Зачем ей нужен такой... сосуд с нравственно-моральными... кхм... фекалиями.

— А пойдёт к психологу, начнет меняться, вот тут уже можно подумать, угу, — снова включил адвокатуру Максим.

Я улыбнулась. Козлов видел людей через свою призму. Если он когда-то смог обуздать свой характер, то и другие смогут. Увы, не все такие, как он.

— А я бы просто ушла, — тихо произнесла я. — Без ультиматумов, без проверок. Первый раз — предупреждение. Второй — прощание. Третьего раза нет смысла ждать.

Буров посмотрел на меня долгим взглядом.

— Правильно. Но Маша пока не готова. Она всё ещё верит, что любовь — это когда бывает больно, а потом приносят цветы.

Я смотрела на экран. Маша стояла на кухне и жарила блины. По её щекам текли слёзы. А Лёша сидел за столом, листал телефон и улыбался.

График его эмоций светился ядовито-оранжевым — удовлетворение, власть, контроль. Он добился своего в очередной раз. А у Маши преобладали цвета тёмно-серые, чёрные. Стыд, страх, безнадежность и ощущение тупика.

— Когда она поймёт? — спросила Алёна.

Глеб посмотрел в планшет.

— Вижу два сценария. В первом, она уйдёт после первого удара. Вероятность 23%. Во втором, останется. Будет терпеть годами. Вероятность 77%.

— Двадцать три процента, — прошептала я. — Так мало!

— Но не ноль, — ответил Буров. — Это уже хорошо. Не в этой жизни, так в следующей осознает и научится себя спасать. Сейчас небольшой перерыв и новый сет.

В своем кабинете я подошла к окну, открыла его настежь. Вдохнула свежего весеннего воздуха и подумала о Маше, что сейчас плакала где-то на кухне. Я верила в неё. Когда-нибудь она поймёт, что любовь — это не цветы после боли. Любовь — это когда боли нет вообще, а есть взаимный рост и поддержка.

Сет 15. Мы старались ради тебя

Алина приехала к родителям на обед поздравить отца с днем рождения. Привезла с собой подарок: острый складной нож из закаленной стали и карманный фонарик. Каждый знает, что заядлому охотнику такие вещи никогда не будут помехой. Отцу однозначно понравится. В этом Алина была уверена.

Стоял солнечный теплый день, пели птицы, прячась в зеленых кустах калины. Нос щеко-тал сладкий аромат цветущих гортензий, пока Алина шла по дорожке к родительскому дому с чувством, что сильно соскучилась. Работа, планы на жизнь отнимали много времени, оставляя лишь важные поводы для встреч вроде этого.

Утка, запеченная в яблоках, коронное блюдо мамы, а штрудель с вишней – настоящее лакомство от бабушки уже давным-давно, с ранних лет. Алина сидела за столом, чувствуя себя снова маленькой в окружении близких людей, когда мама спросила:

— Ну что? Когда замуж? Нам уже внуков хочется.

Мама хитро посмотрела на бабушку, явно призывая ее присоединиться к беседе.

— Мам, я же говорила, — терпеливо ответила Алина, — я пока не готова к отношениям и к детям. Хочу сначала...

— А мы в твоём возрасте уже твою маму растили! – включилась бабушка, перебив Алину. – И как видишь, не зря!

— Я понимаю, ба... Но у меня другие приоритеты. Хочу построить карьеру, мир посмотреть. Мне это гораздо интереснее, чем подгузники.

— Карьера, путешествия, — недовольно покачал головой отец. – Думаешь только о себе. А на нас наплевать. Мы тебя растили не для того, чтобы ты стала эгоисткой.

— Нам внуков уже хочется.

Мама попыталась смягчить слова отца, но сделала только хуже. Чувство вины разлилось по телу Алины, сковав его ощутимой тяжестью. Вот уже несколько лет одно и то же, не хотят слушать и не хотят понимать.

— Я вот карьеру бросила ради тебя. Вырастила... Столько вложили в тебя. Отец на двух работах пахал, чтобы нас всех прокормить. А что в результате? Оставляешь нас стариками. Неделями не звонишь. Не приезжаешь. Мы тебе не нужны.

— Мы переживаем за тебя, — добавил отец.

— Я звоню раз в неделю, — попыталась оправдаться Алина. – Работы много. Устаю.

— Вот и живешь со своей работой, — горько вздохнула бабушка. – А мы помрем, а ты и не узнаешь об этом.

Я смотрела на то, как Алина сжимает кулаки под столом, пока на экране на стене бушевали ее эмоции. Злость и вина смешивались и превращались в какие-то грязные пятна, похожие на масляные разводы разлитой краски.

— Будто она просила их жертвовать собой, — возмутилась я.

— Они ставят ей в вину то, что она у них родилась? Я что-то не понял, — произнес Макс. – Разве она просила, чтобы ее приводили на свет?

— Как знать, — Буро загадочно улыбнулся. – Свобода выбора придумана не просто так. Как для тех, кто воплощен в своих телах, так и для тех, кто только собирается в них воплотиться.

— Ну, допустим! Но это не значит, что она не должна научиться отстаивать свои границы! – в дискуссию вступила Настя. – Это что же такое? Они сами хоть понимают, что давят на нее? Что портят ей настроение из-за своих хотелок?

— Может, Алина плохая дочь? Невнимательная? — Буров задал провокационные вопросы и улыбнулся, явно отметив недовольство на наших лицах.

— Тогда она бы не стремилась порадовать отца подарком и приездом к нему на праздник, — ответил уверенно Макс, пожав плечами. — Как бы там ни было, но Алина имеет право на свою жизнь, на свой выбор.

— Имеет. Выбирает. И страдает оттого, что не может его отстоять.

Увы, но это была чистая правда. Девушка годами терпела претензии. Всякий раз, когда ее отчитывали родители, она чувствовала себя маленькой девочкой, виноватой за то, что вообще родилась. Эти чувства читались на ее лице, на экранах в кабинете шефа при просмотре ее ситуации. А ведь можно иначе.

Алина хмурилась, пока я за ней наблюдала, а в моих мыслях проявились проценты. Злится – 40, раздражена несправедливостью – 60, обижена – 80. Я будто понимала эмоции девушки и знала их интенсивность. Подобное со мной уже было. Этот странный спонтанный опыт случился со мной месяцы назад. Тогда с Андреевной, когда она расстроилась, потом и с Шурзиной Алией. И вот снова.

И вдруг...

— Зачем ты манипулируешь своей смертью, бабуля? – недовольно спросила Алина. – Ты хочешь, чтобы я испугалась? Так я боюсь вас потерять.

Затем она повернулась к родителям.

— А вы? Разве я вас просила жертвовать собой ради меня? Это ведь был ваш выбор? Ваш. Мама, ты бросила работу. Папа, ты, наоборот, много работал. Я вам благодарна за это. Спасибо! Но я и так звоню вам раз в неделю, приезжаю на праздники. Всегда приезжаю, когда могу. Я устала молчать и терпеть то, что терпеть не должна. Вы мне счастья хотите или страданий?

Родные опешили. Смятение на их лицах подсказало, что они растерялись.

— Что за вопросы, Аля? Конечно, мы хотим тебе счастья.

— Так я счастлива. Уже счастлива сейчас. А если пожалею о том, что не вышла замуж рано и не нарожала детишек, то это будут мои ошибки. Только мои, понимаете?

— А чего ты завелась? – попытался взять инициативу в руки отец.

— Не завелась, папа. Я пытаюсь вам объяснить. Вы не хотите меня слышать, обесцениваете мой выбор. Я долго не понимала, боялась с вами поссориться. Но хватит уже. Я могу вас любить и при этом жить свою жизнь. Так было и так будет дальше.

Алина встала с места. После такого выплеска ей хотелось сбежать. Не так просто даются решения отстоять границы. Но она понимала, что выхода другого нет. Или все так и будет продолжаться, или что-то изменится. Только при условии, что кто-нибудь из них попытается разорвать этот порочный круг. Пусть это будет она.

— Поеду я. Мне пора.

Родители молчали. Кажется, они не знали, что говорить, как не знала, что ответить бабушка. Она ковыряла пирог вилкой.

Алина знала, что им потребуется время, чтобы переварить услышанное, и надеялась, очень надеялась, что родные ее поймут и сбавят обороты. Всё же работа с психологом не прошла даром, она многое осознала. И вот первый результат. Ох! Лишь бы он оправдался.

Я же видела, как Алина выходит из дома, смотрела на экраны, где прояснились цвета. Чистейший красный показывал ее решительность, но перебивался всполохами серых оттенков. Переживает, боится, что ее не поймут.

— Какая же она молодец! – произнесла Настя с улыбкой глядя на героиню нашего сегодняшнего занятия. – Хоть кто-то нашел в себе силы сказать, чего хочет на самом деле. Значит есть еще надежда на то, что мир сможет измениться.

— Хочется верить, что родители ее услышат, — скептически произнес Глеб. — По моим данным, не все так просто. Быстро они не сдадутся. Вероятность девяносто процентов, что они сочтут ее выпад простыми эмоциями, придумают, что она устала и... Все начнется сначала.

— В следующий раз Алине будет легче поставить границы. Надеюсь, — добавила уверенно Настя. — Главное, не сдаваться. Пройдет время – поймут. А не поймут, тогда придется выбрать себя и дистанцироваться еще больше.

Настя хорошо понимала, о чем она говорит. Жизнь, как всегда, научила. Если близкие пытаются тебя догнать и причинить добро во имя благих намерений, то иногда лучше отойти в сторону, сойти с дистанции и любить таких родственников издалека. Всё лучше, чем мучиться и страдать в постоянной надежде на чье-то там осознание.

— Родители ведь искренне думают, что «старались ради неё», — со вздохом сказала Алена. — Я чувствую их боль сейчас. Они не видят разницы между любовью и контролем, боятся потерять дочь. В конце концов, они воспитаны на культуре, что дети «обязаны». Оттого ей выговаривают.

— Инвестиция в старость, ага, — с горькой усмешкой произнесла я. — Почему люди не понимают, что их ребенок может в любой момент уехать в другую страну, а то и заболеть, умереть? Как не понимают, что постоянным давлением они его просто сломают. Или накопится злость в детях, а потом как рванёт... Но как же важно уметь себя защищать. Ведь моя жизнь она здесь и сейчас. И не требует ничего разрешения. Даже родительского. Так гораздо лучше, чем медленно и тихо умирать внутри.

— Алина сделала важный шаг, — наконец заговорил Буров. — Она впервые в жизни называла вещи своими именами. Не оправдывалась, не извинялась. Просто сказала правду. Повзрослела. И это радует.

На экранах сет продолжался. Алина сидела в машине, положив голову на руль. Ее руки дрожали, но на лице светилась улыбка.

Я достала смартфон и набрала сообщение: «Привет, мам. Люблю тебя. И я счастлива. Просто хочу, чтоб ты знала».

Сет 16. Я шучу! Ты что, шуток не понимаешь?

Вечер обещал быть прекрасным. Целый месяц дома сидели! А сегодня модное кафе в старом городе и долгожданная встреча с друзьями. Ужин на шестерых. Кристина надела новое платье, которое уже положительно оценил Макар перед выходом. Получила и от друзей комплименты.

— А потом я назвала Юрия Григорьевича Валерием Дмитриевичем, вы представляете?! – смеясь рассказывала Кристина о своей неудаче. – Вы бы видели лица начальства! Мне казалось, что меня тут же уволят, но нет. Валерию Дмитриевичу очень понравились мои выводы, а Юрий Григорьевич сказал, что готов выделить транш на новый проект.

— И начальство решило сделать вид, что ничего не случилось? – хохотала Лена. – Ну ты даешь! Спонсоров? Как можно перепутать спонсоров?

— Я так волновалась!

Все смеялись, Кристина чувствовала себя звездой. Блистательной, яркой, прекрасной.

— А что тут удивляться? Кристя у нас Мисс Рассеянность! Разве вы это не знали? – неожиданно вступил в беседу Макар, переключая внимание друзей на себя. – Она в прошлом году паспорт так потеряла. Искала его два часа, а нашла в холодильнике. В дверце!

Он весело рассмеялся, следя за тем, как смеются друзья. Кристина тоже смеялась, но внутри уже что-то непроизвольно сжалось. Он только что её при всех назвал глупой растяпой?

— И готовит она тоже так себе. Понятно, что много работы, занятость, но макароны она сварила комком. Их можно было только разрезать ножом, так они слиплись. Прикиньте? А всего-то меня не было дома. Вышел в магазин. Вот, Кристя, скажи, как ты вообще сможешь жить без меня? А?

Друзья продолжали смеяться, но настроение у Кристины было испорчено.

— Макар! Ну хватит! Как тебе не стыдно?! – возмутилась Лена. – Зачем ты об этом сейчас говоришь? Посмотри на Кристю. Она уже не смеется!

— Что? – Макар повернулся к Кристине и с удивлением продолжил: — Ты что, обиделась? Я же шучу! Ты что, шуток не понимаешь?

Кристина попыталась улыбнуться. Действительно. Чего она так всполошилась?

— А все почему? – вошёл в раж Макар. — Не умеют у нас некоторые люди смеяться над собой. Не умеют! Чувство юмора у них на нуле!

После этого смех за столом погас. На лицах друзей лишь смущённые улыбки, и взгляды на неё. Кристина поняла, что все ждут реакции. Если скажет, что ей «неприятно», значит зануда, сухарь, докажет, что без чувства юмора. А промолчит – он продолжит. Кристина собралась с духом.

— Да все нормально! – выпалила с улыбкой. – Такое у него чувство юмора! Шутит он так. Ага.

— Так выпьем за чувство юмора! – поднял свою кружку Макар и повернулся к Кристине. – И за твое чувство юмора тоже!

Кристина подняла кружку, нацепив на лицо довольно-равнодушную маску. Только вот руки дрожали. Поэтому она быстро стукнула своей кружкой об кружку Макара, отпила глоток и вернула напиток на стол.

Буров нажал на паузу, заставив нас посмотреть на него.

— Если я скажу, что Макар искренне полагает, что шутит, вы поверите?

— О да, он действительно может думать, что шутит, — возмущенно сказала Алена, — как и не понимать, что за счет этой несчастной девушки тешит свое самолюбие. А она терпит,

потому что постоянно находит ему оправдания! Он хороший, просто не умеет шутить. Он не со зла. Это всего лишь характер. Тьфу!

— А еще он перекладывает вину на Кристину. Якобы она не понимает шуток. Фу, это гадко! Прямо очень! Он ее публично унизил!

Настя Кошкина, как всегда. Она терпеть не могла проявления абьюза, а особенно по отношению к женщинам и сопереживала каждой так, будто это ее личная боль.

Я же смотрела на героиню нашего сета, на её поджатые губы, на влажные от слёз глаза с сожалением. Зачем терпеть унижение и сразу не поставить границы? Так можно раз и навсегда понять: что чувствует к тебе человек. Если он позволит себе продолжать, значит, уважением тут и не пахнет. Если будет стараться, остановится, значит, важна. Такой простой тест, а Кристину не знает. Терпит. А в результате разрушенная самооценка, а в худшем случае...

— А потом она перестанет встречаться с друзьями, — произнесла я. — Потому что будет бояться, что над ней снова посмеются.

— Предположу, что ее друзья смеялись от неловкости. Люди не знали, как им реагировать, чтобы не обострять, — вступился Макс.

— Они не знали, как не обострять, но, по сути, добавили масла в огонь. Трусы они все, — Настя ругалась. — Вот и всё! А Кристину решила, что проблема в ней. А что? Все смеются, значит, и правда весело. Это у нее чувства юмора нет.

— Только вот от себя правду не спрячешь. Достаточно глянуть на графики.

Я кивнула на экраны, где светились эмоции девушки. Мешанина из обиды, разочарования, неуверенности в себе. То, что нужно, чтобы разрыдаться при первой удобной возможности.

— Могла бы как дать ему в нос при всех или вылить на него кружку пива! А что такого? Просто так пошутить!

Ирина Мелких, наша бухгалтер, принесла документы и осталась на сет. Возмущенная поведением парня она буквально пылала эмоциями.

— Так себе реакция, если честно, — тихо проворчала я. — Видно же, что Кристину боится выглядеть истеричной. А тут еще плюс скандальность в ее образ хорошей девочки? Ты серьезно?

— Ну не знаю, — фыркнула Ира. — Я бы точно дала такому леща и перестала общаться.

— А если после он напишет на нее заявление в полицию? — Буров не сдержал улыбки. — Или ударит в ответ? Не подумала?

На вопросы начальника Ирина ничего не ответила. Только тихонечко фыркнула. Я же постаралась спрятать улыбку. Бухгалтер у нас боевой, этого не отнять. С ней и в огонь, и в воду, и можно за приключениями.

Потом спросила у Глеба:

— Скажи. Есть ли хоть одна вероятность, где события могли разыгаться иначе? Где Кристину выведет из ситуации красиво?

Глеб вернулся к планшету, ввел туда какие-то данные, потом какое-то время что-то искал.

— Нашел. Есть у меня что показать. Хотите посмотреть? Качество только не очень. Я сказал бы совсем не очень. Низкая вероятность, да еще из прошлого. Да.

— Включай! Не томи! — практически хором вскрикнули Настя и я.

На экране появилось видео довольно плохого качества. Размытое, будто фильм только что скачали с пиратки. Смотреть можно, но неприятно.

Макар куражился за столом, рисуясь перед друзьями.

— И готовит она тоже так себе. Понятно, что много работы, занятость, но макароны она сварила комком. Их можно было только разрезать ножом, так они слиплись. Прикиньте? А

всего-то меня не было дома. Вышел в магазин. Вот, Кристя, скажи, как ты вообще сможешь жить без меня? А?

— Макар, прекрати! – довольно жестко, но тихо произнесла Кристина. – Мне неприятно. Ты зачем унижаешь меня?

— Унижаю? Я? Это же шутка. Ты что? Юмора не понимаешь?

— Юмор – это, когда над шуткой смеются все. Мне сейчас не смешно. Полагаешь, если я сейчас начну рассказывать всем, куда ты спрячешь носки и называть тебя при этом неряхой, ты тоже будешь смеяться?

— О, интрига! – тут же развеселились мужчины. – И куда же он их прячет?

— Туда же куда и все прячут, — рассмеялась Кристина. – В шкаф. Я же не сказала, что грязные!

Все весело рассмеялись. Не смеялся только Макар. Он сначала нахмурил брови, на его тонких губах заиграла улыбка. Скорее смущенная, виноватая. Видно было, что неожиданный выпад Кристины ему совсем не понравился, а то, как она мастерски перевернула ситуацию в его пользу вызвало в нем бурю чувств.

— Глеб! Глеб, только не говори мне, что эта вероятность настолько низкая, что практически не может случиться?

— Может, наверное. В другой ветке реальности, — хмыкнул Буров. – Наши герои уже наверняка вернулись домой. Посмотреть на них не хотите? Глеб?

После этих слов Репнин сбросил плохую картинку, и мы увидели небольшую квартиру. Открылась входная дверь. Кристина и Макар зашли внутрь.

Макар попытался обнять ее, но девушка резко дернулась и прошла в ванную комнату. За ней захлопнулась дверь, а потом мы все четко расслышали, как девушка горько плачет.

Ох. Неудивительно. За какой-то вечер она публично оказалась неловкой, беспомощной растеряхой и это с подачи любимого! Еще и признала за шутку.

«Кристя, ты чего там? Ревешь? Что случилось-то?» – Раздался голос Макара: «Мы же хорошо посидели! Ты какая-то слишком чувствительная!»

— Да конечно, слишком чувствительная! – возмутилась я. – Абсолютно нормальная девушка. Жаль только, что она снова молчит. Ей бы сказать о том, как ей неприятно, предупредить, что если он будет продолжать, то отношений не будет. Эх! Кристя, Кристя.

— Ничего не получится. Кристина будет молчать. А дальше только хуже, — вздохнула Настя.

— И мы снова возвращаемся к нашим любимым границам. – Буров хитро прищурился. — Из чего делаем вывод?

— Любовь к себе – это прежде всего умение себя защищать и не давать в обиду?

— Верно. Занятия на сегодня закончены. Продолжим завтра. А сейчас за работу.

В холле ко мне подошла Петровиченко Алена. Моя коллега и подруга, что всегда мне помогала и при необходимости подставляла плечо. Алена была редким человеком, который не нравился, не требовал объяснений.

— Знаешь, о чем я подумала?

— Мм?

— Как много среди нас Кристин. Сколько людей терпят «шутки», оправдывают шутников и молчат. А потом оглядываются назад и понимают, что потрачены годы на таких «близких» людей, которые не умеют и не хотят уважать.

— Наверное, поэтому мы и занимаемся тут? Чтобы сразу их определять и не повторять чужих ошибок?

— Не делать своих. Кофе будешь?

— Да, с удовольствием. И знаешь, что?

— Мм? – теперь промычала Алена.

— Я хочу верить в Крестю. Что когда-нибудь она найдет в себе силы для начала сказать:
«Прекрати!»